

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2006 г.

В.И. Сарианиди

ЦАРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НА СЕВЕРНОМ ГОНУРЕ

После открытия свыше 30 лет назад древней страны Маргуш, расположенной на востоке современного Туркменистана, в замковой части бывшей дельты реки Мургаб было обнаружено «столичное» поселение Гонур, находившееся на северном (дворцово-культовый ансамбль) и южном (теменос) холмах. Последующие раскопки Южного Гонура показали, что во II тыс. до н.э. на этом месте располагался укрепленный теменос с небольшим храмом внутри¹. На Северном Гонуре находился кремль с монументальным дворцом внутри него².

Дальнейшие раскопки на Северном Гонуре установили, что кремль вместе с дворцом был включен в каре мощных, оборонительных стен, усиленных боевыми башнями. Внутри каре располагались небольшой Храм огня и во много раз превосходящий его Храм жертвоприношений³. В северной части Гонура находился также Храм «общественных, или коллективных, трапез», а в южной части – Храм воды, расположенный вокруг большого водоема размером 150 на 80 м при глубине около 2,5 м. Наконец, весь этот огромный дворцово-культовый ансамбль снаружи был обнесен гигантской обводной стеной с пилястрами, в которой имелось четыре прохода. Таким образом, проведенные до настоящего времени крупномасштабные раскопки документально подтвердили, что с самого начала своего существования Северный Гонур представлял собой монументальный дворцово-культовый архитектурный ансамбль площадью свыше 15 га, окруженный домами горожан (рис. 1)⁴.

Первое визуальное обследование установило, что на южной окраине Гонура имеется огромная, естественная впадина, которая сначала ошибочно была определена как площадь⁵. Однако на самом деле эта площадь оказалась естественным водоемом, вокруг которого позднее был сооружен упомянутый выше Храм воды. Но еще до возведения на Гонуре дворцово-культового ансамбля первые колонисты древней дельты Мургаба на восточной оконечности главного водоема уже в последних веках III тыс. до н.э. устроили «царский» некрополь, который позднее был включен внутрь обводной стены (рис. 2). Раскопочные работы 2004 г. установили, что ядро некрополя составляют семь гробниц (№ 3200, 3210, 3220, 3225, 3230, 3235, 3240), вокруг которых позднее были построены двухкамерные гробницы (№ 3205, 3245, 3250), но много меньших размеров. Последняя такая двухкамерная могила № 3250 перерезает наземную круглую стену, окружающую гробницу № 3220, не оставляя никаких сомнений относительно своего более

¹ Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998. P. 111–120.

² Сарианиди В.И. Дворец Северного Гонура // ВДИ. 2000. № 2; Sarianidi V. The Fortification and Palace of Northern Gonur // Iran. 2002. Vol. XL.

³ Сарианиди В.И. Город дворцов и храмов // Мирас. Ашхабад, 2003. № 3. С. 92–124.

⁴ Топографические работы выполнены К. Шадурдыевым.

⁵ Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

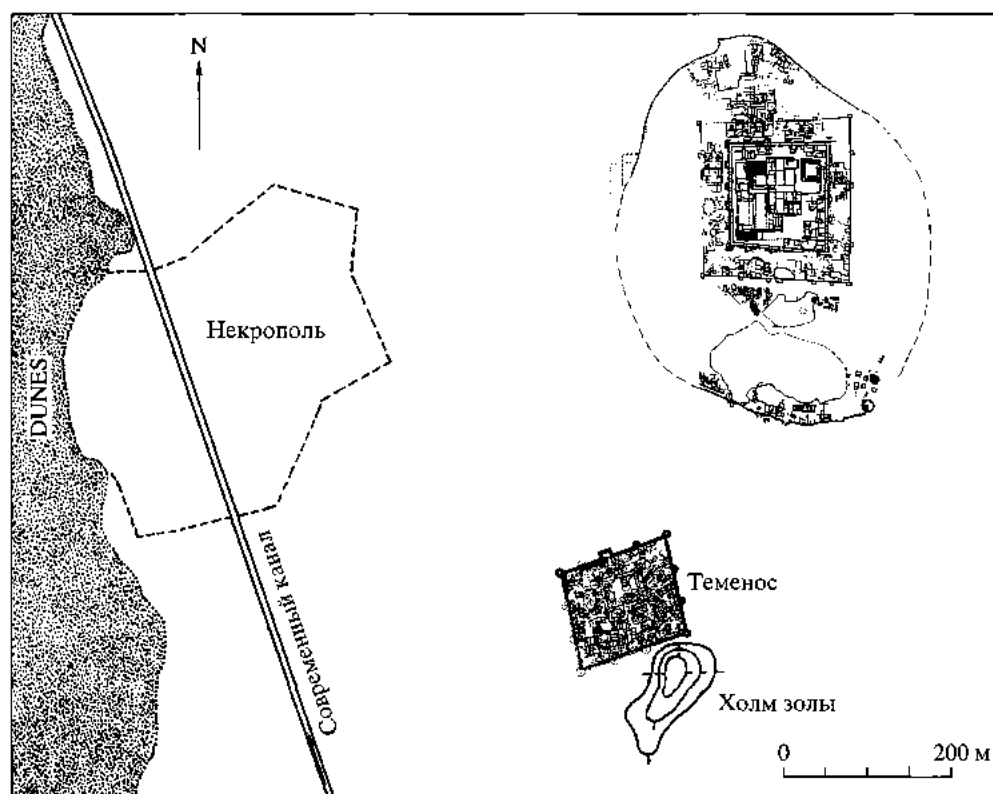

Рис. 1. Ситуационный план Гонура, 2004 г.

позднего происхождения. Двухкамерная могила № 3245 не разграблена, но эта могила и подобные ей резко уступают по числу личных украшений и погребальных приношений гробницам «царских фамилий». Этот факт заставляет думать, что хотя похороненные в таких могилах покойники и могли принадлежать к бывшим «царским фамилиям», но, видимо, были «бедными родственниками» царственных родичей.

Все раскопанные гробницы представляют собой подземные погребальные сооружения, ничем не отмеченные на поверхности, если не считать гробницу № 3220, которая была обведена сверху кольцевой стеной, не сохранившейся в восточной части, возможно из-за «деятельности» грабителей. В тех случаях, когда это можно установить, на древней дневной поверхности (которая практически совпадает с современной) над гробницами находились алтари со следами сильного огня. В одном случае (рядом с гробницей № 3235) располагались четыре таких сооружения: два по обеим сторонам входа и два в середине.

Все гробницы представляют собой котлованы прямоугольной формы, вырытые в глинисто-песчаном материке. Изнутри они были облицованы кирпичами или покрыты толстой глиняной штукатуркой. В тех случаях, когда гробницы имели хорошую сохранность, фиксируются входы, причем, когда это можно было установить с точностью, они располагались с восточной стороны (гробницы № 3220, 3230, 3235). Все они оказались заложенными кирпичами, но «всухую», без глиняного раствора, что позволяло при необходимости быстро разобрать закладку и проникнуть внутрь гробницы. Все проходы имели ведущие внутрь наклонные спуски (либо в виде пандусов, либо лестницы с семью ступенями, как в гробнице № 3235).

Результаты наблюдений дают все основания предполагать, что в гробницах практиковался последовательный обряд коллективных захоронений. Ни в одной из гробниц не

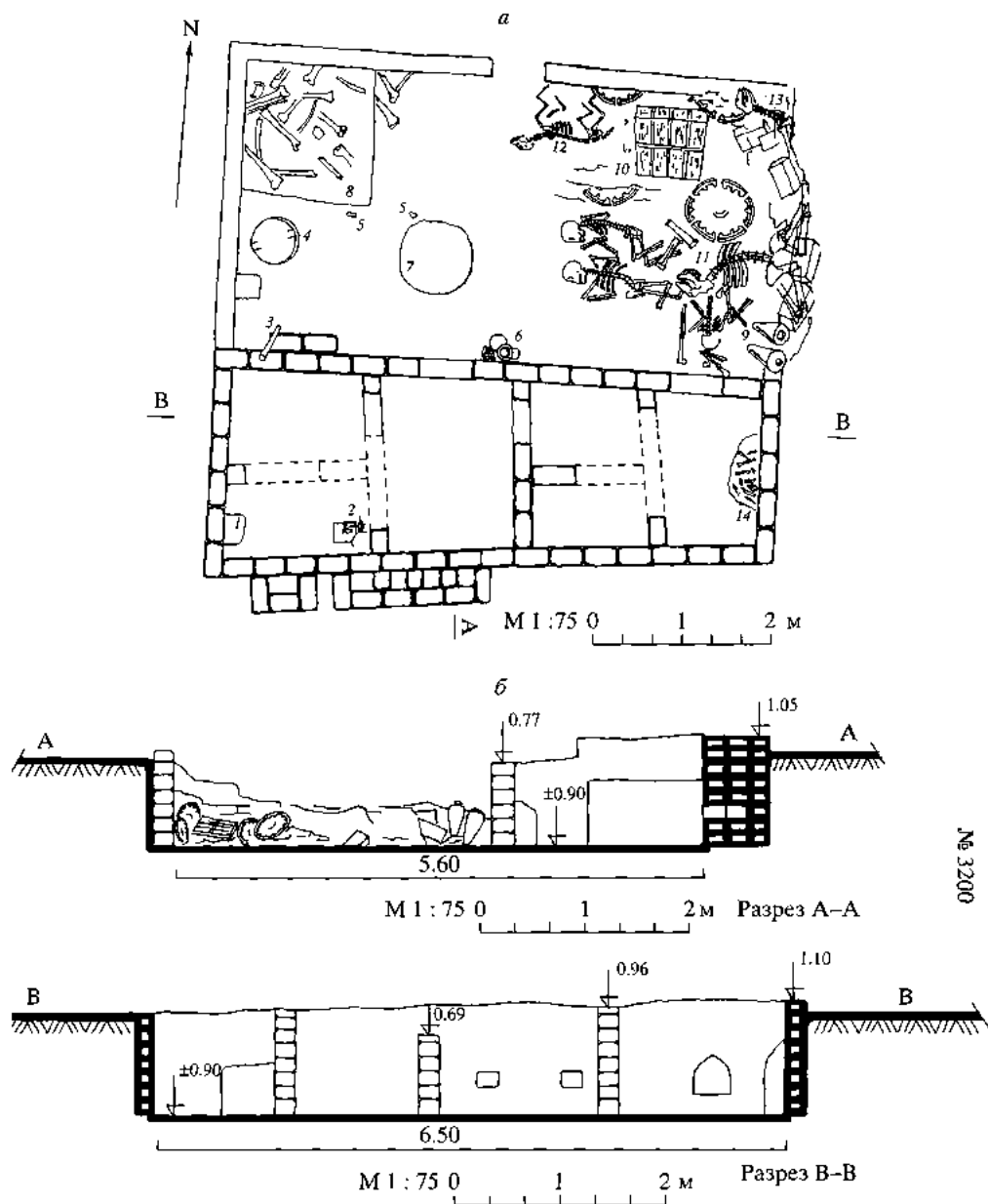

Рис. 2. Гробница № 3200. а – План. 1 – скопление ценных погребальных привошений; 2 – два фрагмента мозаики с «ковровым» орнаментом, серебряные косметический флакон, косметическая лопаточка, булавка с навершием в виде лежащего теленочка, железная булавка с навершием в виде золотой восьмиконечной звезды, полумесяца, а также стоящего архара из золота и лежащего льва из бирюзы; 3 – каменный посох длиной 2.0 м с концом в виде лошадиного копыта; 4 – каменный диск из мраморизованного известняка; 5 – бронзовые предметы неопределенного назначения; 6 – два бронзовых «светильника» и керамическая ваза на полной ножке с орнаментом; 7 – лянто из краснообожженного песка; 8 – скопление костей взрослого верблюда; 9 – два крупных керамических сосуда с узким дном; 10 – четырехколесная повозка; 11 – скелет лежащего взрослого верблюда в полном анатомическом порядке; 12 – полный скелет собаки в полном анатомическом порядке; 13 – сильно разрушенный скелет молодой лошади; 14 – беспорядочное скопление костных останков четырех человек; б – разрезы

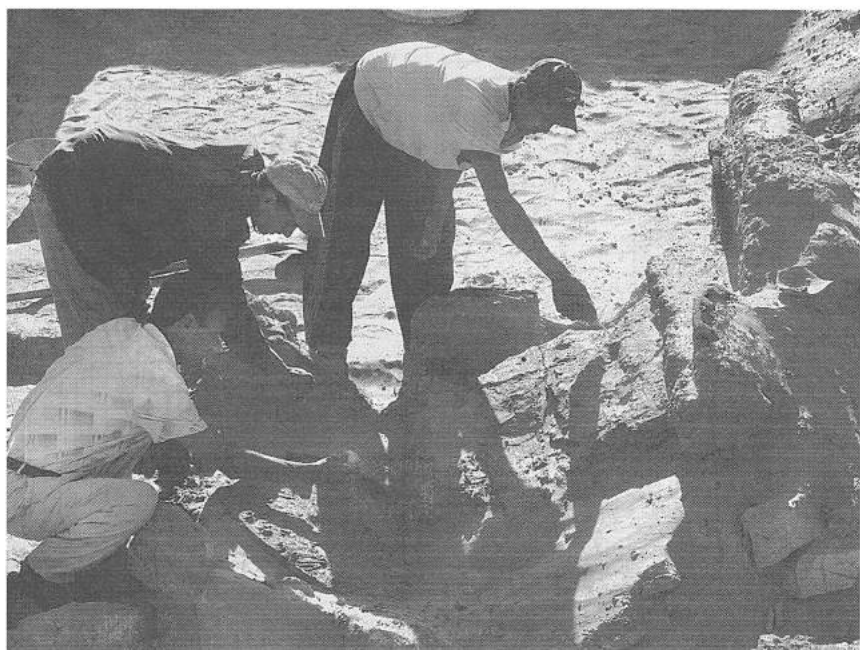

Рис. 3. Расчистка четырехколесной повозки из гробницы № 3200

сохранились перекрытия, поэтому вопрос об их конструкции остается открытым, хотя, учитывая сохранившуюся высоту стен (до 2 м), можно предполагать, что они слегка возвышались над уровнем окружающей поверхности.

Все гробницы, за исключением двух (№ 3245 и 3225), были неоднократно ограблены еще в древности, причем последняя могила была не ограблена из-за ее особого характера, о чем подробно будет сказано ниже. Поскольку родственники умерших знали о возможности ограбления, они устраивали своеобразные «тайники», в которые складывали наиболее ценные погребальные приношения. Тем не менее подавляющая часть вещей, положенных в могилы, была обнаружена и разграблена.

Гробница № 3200 (на Гонуре принята сквозная нумерация погребений) имеет общую площадь около 35 м² и глубину 2,5 м и представляет собой своего рода копию обычного жилого дома. Она условно названа «дом мертвых» (рис. 2 а,б)⁶. Южную часть гробницы занимают четыре неправильной прямоугольной конфигурации камеры, имитирующие четырехкомнатный дом, перед которыми располагается обширный двор. Сами камеры сложены из кирпича, а двор образуют стены вырытого котлована, обмазанные изнутри толстым слоем глины с песком. Предположительно в середине северной стены мог находиться несохранившийся проход, достаточный для того, чтобы через него могла проехать запряженная лошадь повозка, которая была обнаружена в северо-восточном углу двора (рис. 3).

Три камеры «дома мертвых» (№ 2–4) соединены между собой общими проходами, в то время как камера № 1 имела лишь один проход, ведущий непосредственно во двор, который, видимо, был заложен «всухую» кирпичами закладки, обнаруженными у входа. Судя хотя и по незначительному количеству, но бесспорно человеческих костей (все антропологические определения проводились Н. Дубовой), именно первая камера являлась погребальной, куда помещались умершие и вход в которую затем наглухо закладывался кирпичами. Вторая камера была перегороджена внутри поперечной стеночкой, возможно с проходом, однако судить об этом с уверенностью затруднительно, так как

⁶ Все схемы погребений в поле составлены А. Ниязмухаммедовой.

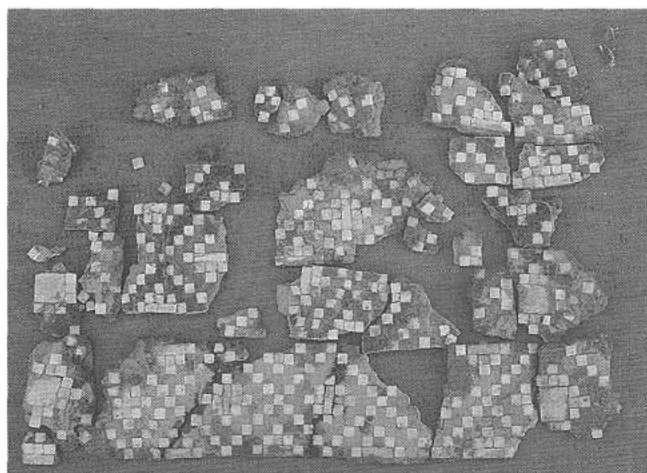

Рис. 4. Мозаичное панно из гробницы № 3200

грабители весьма сильно повредили конструкции. Судя по небольшому числу костей барана/овцы и мельчайших фрагментов медно-бронзовых изделий, можно допустить, что вторая камера служила для хранения погребальных приношений, что, однако, не может сейчас быть доказанным.

Третья камера представляет собой своего рода «вестибюль» с двумя проходами: один из них ведет прямо во двор, а другой – в смежную четвертую камеру, которая, судя по всему, была камерой «погребальных приношений». В южной стене обеих камер было устроено два «тайника», тщательно обмазанных изнутри глиняной штукатуркой и разделенных внутри на три «отсека». Еще одна «ниша» была устроена в середине северной стены, которая оказалась плотно заполненной глиной. Тот факт, что все «тайники» оказались нарушенными не изнутри, а с тыльной стороны камер, прилегающих к котловану, точно так же, как и полное отсутствие каких-либо следов погребальных приношений в них, может указывать на возможно иное их назначение. Остается добавить, что тыльные части всех этих «тайников» выступают за внешнюю гладь стен, в которых они были устроены.

Начиная с глубины 1.30 м от современной поверхности во всех камерах (исключая первую) было обнаружено огромное количество преимущественно мозаичных гипсовых вставок, а на стенах в третьей и четвертой камерах сохранились на месте прикрепленные фрагменты настенной мозаики. Думается, что, кроме первой камеры, стены всех остальных были украшены мозаичными панно, которые состояли не только из геометрических «ковровых» (рис. 4), но и сюжетных композиций, свидетельством чего могут служить находки гипсовых голов кабана и птицы, а также фаянсовой рыбы. Следует специально отметить, что при раскопках на фрагменте упавшей со стены мозаики был обнаружен стоявший в «правильном» (вертикальном) положении медный косметический флакон. Это бесспорно указывает на то, что уже после того, как мозаика упала со стены на пол камеры, люди продолжали приносить новые погребальные приношения, что, в свою очередь, может служить дополнительным свидетельством существования практики последовательных захоронений.

Как бы то ни было, именно в четвертой камере упавшая со стены мозаика закрыла собой и сохранила от грабителей замечательные ювелирные изделия: круглый футляр с инкрустированной крышкой, различные туалетные принадлежности, в том числе серебряную булавку с навершием в виде отдыхающего теленка (рис. 5) и железную булавку с навершием из бирюзовых лепестков, среди которых находились миниатюрная фигурка золотого архара (размером около 1 см) и бирюзовая статуэтка припавшего к земле и готовящегося к прыжку льва (размером чуть больше 0.7 см) (рис. 6, 7); наконец, к этой,

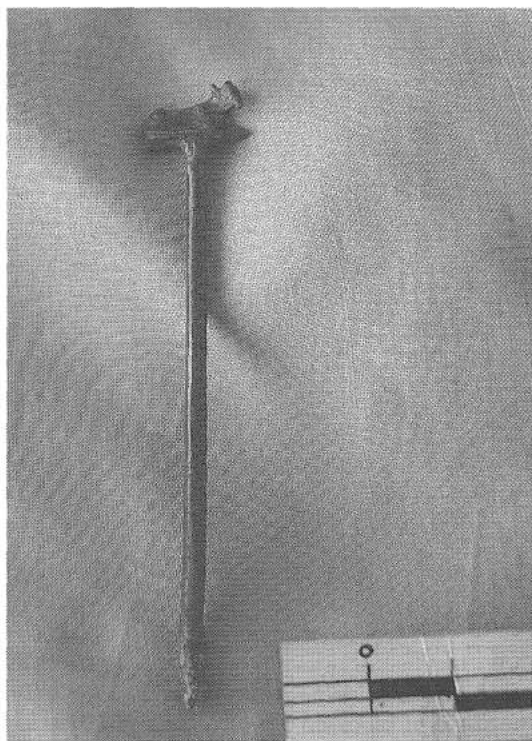

Рис. 5. Серебряная булавка с навершием в виде отды-
хающего тельца из гробницы № 3200

особенно интересной, булавке были прикреплены золотые полумесяц и восьмиконечная звезда (рис. 8). Хотя анализ железной булавки еще не сделан, думается, что она изготовлена из метеоритного железа. В другом углу этой камеры «погребальных приношений» остались незамеченными грабителями золотой ажурный конус, который сверху венчали золотая же, предположительно женская, голова с преувеличенно большими глазами и ушами и рядом – две руки из золотой фольги. Из ажурного тела этой, предположительно женской, фигуры как бы «произрастают» шесть «фаянсовых» колосьев пшеницы или ячменя, закрепленные на теле при помощи бронзовых штырей. В свою очередь из колосьев выступают тончайшие ости, не оставляя никаких сомнений, что это именно злаки. Еще два колоса сделаны из золотой фольги, а ости, вставленные в них, – серебряные. Думается, что в целом все это изделие изображает женское божество плодородия с произрастающими из его тела растениями, до определенной степени напоминая сцену на цилиндрической печати, обнаруженной около алта-

ря на западном фасе квадрата дворцово-культового ансамбля Северного Гонура⁷.

В этой камере находились также две наборные фигурки орлов, изображенных в геральдической позе с широко расставленными крыльями. Все фаянсовые и гипсовые детали могли крепиться к деревянной основе, а крылья и хвосты для создания впечатления реального оперения были набраны из тонких фаянсовых пластинок, причем сами фигурки оторочены по внешнему контуру золотой фольгой (рис. 9). Еще одно такое же крыло найдено во дворе, около повозки. Кроме того, рядом с орлами находились фаянсовые панцири черепах и было рассыпано около 1000 золотых, лазуритовых и сердоликовых бусин, некогда составлявших, предположительно, ожерелье, а также узкие плоские золотые пластины со сквозными дырочками (через которые были когда-то пропущены нити с нанизанными на них бусинками), служившие в качестве разделителей. Точно такие же «разделители» вместе с многочисленными каменными бусинками происходят из одной богатой могилы в Телль Банат, свидетельствуя о близких технических приемах ювелиров древней Сирии и Маргяны.

Не менее впечатляющие находки были сделаны во дворе этой гробницы. В северо-восточном ее углу сохранилась четырехколесная повозка вместе с кузовом, сколоченным из четырех досок, скрепленных между собой поперечными рейками. Колеса – сплошные и состоят из трех деревянных плах. Каждое колесо было оббито снаружи шестью массивными бронзовыми «дугами» (каждая с тремя «ушками»), образующими составные ободья, скрепленные с колесами при помощи массивных заклепок, вставленных в «ушки». Показательно, что неподалеку от повозки на полу двора были найдены два небольших одинаковых бронзовых изделия, предположительно принадлежавших

⁷ Сарганиди В.И. Храм Воды в Гонур Депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Мирас. Ашхабад, 2004. № 3. С. 84–97. Рис. 24.

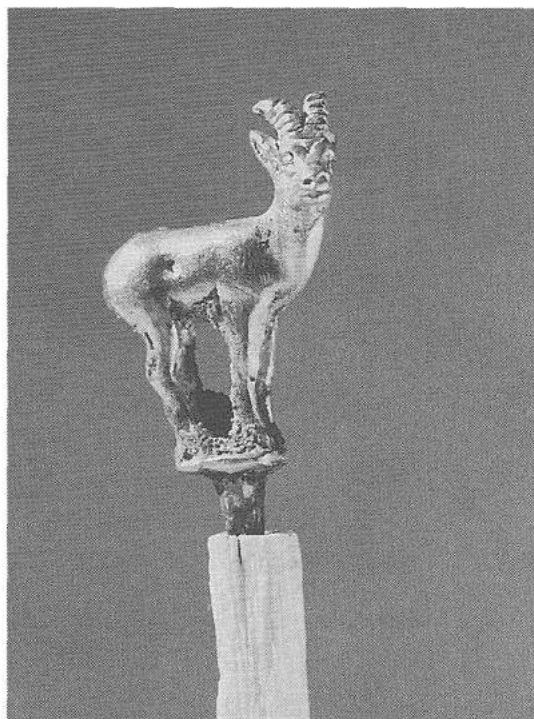

Рис. 6. Золотая фигурка архара от навершия железной булавки из гробницы № 3200 (высота около 1 см)

Рис. 7. Фигурка лежащего льва от навершия железной булавки из гробницы № 3200 (длина около 0.7 см)

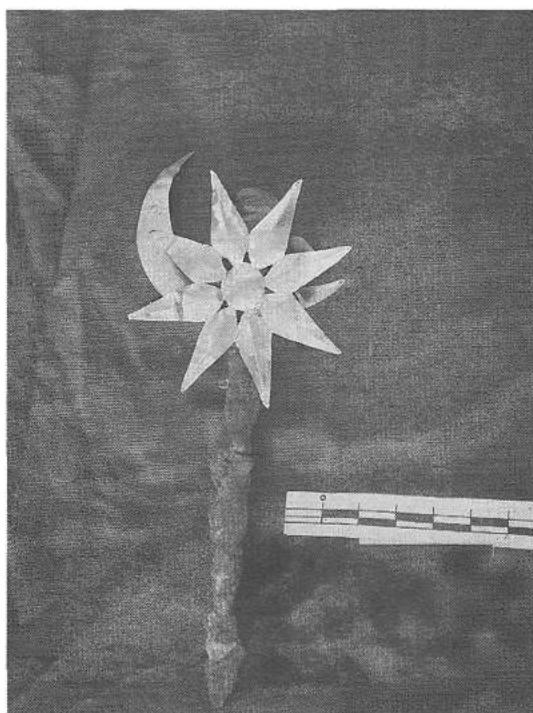

Рис. 8. Железная булавка с золотыми полумесяцем и восьмиконечной звездой из гробницы № 3200

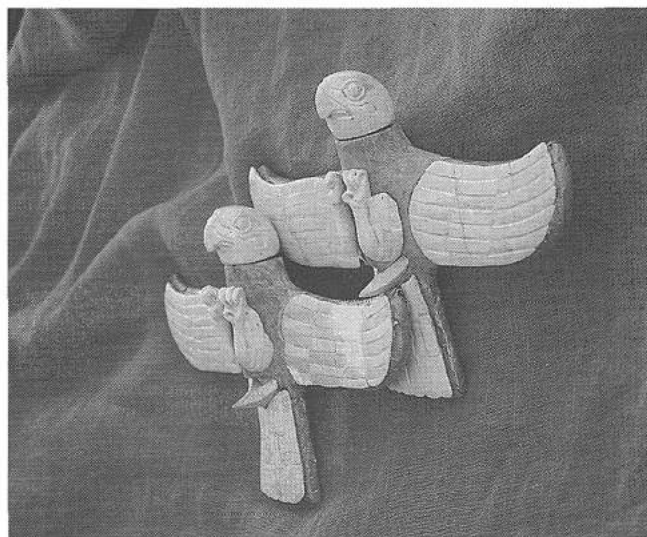

Рис. 9. Фигурки орлов из гробницы № 3200

экипировке лошади (рис. 10), но это, однако, требует дополнительных доказательств. Между повозкой и восточной стеной двора находились череп и скелет молодой лошади, которая могла быть впряжена в нее. Рядом найден целый скелет верблюда, который, по данным Н. Дубовой, был умерщвлен на месте.

Во дворе, перед входом в первую камеру, находились три скелета – женщины и двух подростков 14–16 лет, убитых раньше верблюда, причем, по данным Н. Дубовой, не ис-

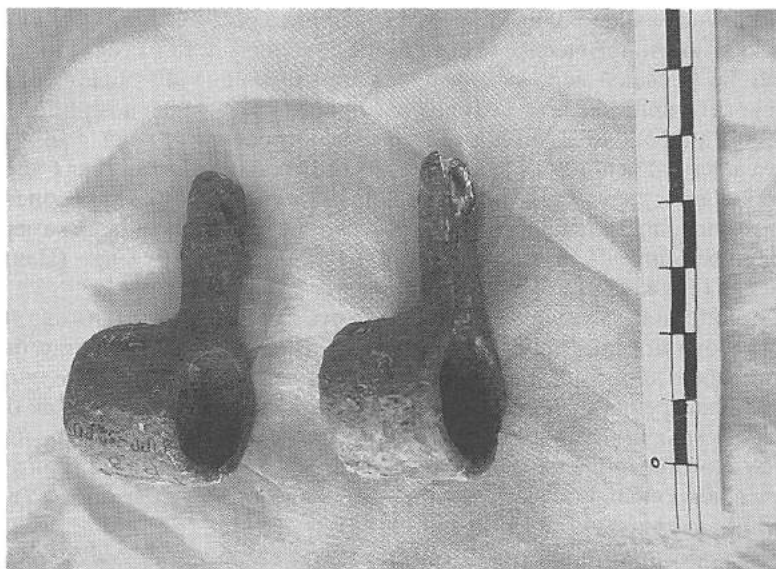

Рис. 10. Бронзовые изделия, найденные неподалеку от повозки в гробнице № 3200

ключено, что подростки в момент смерти стояли на коленях. Показательно, что никаких личных украшений (только у женщины на шее была простейшего типа медная булавка, а около плеча – маленькая печать), а тем более погребальных приношений при них не обнаружено. Словом, есть веские основания предполагать, что это были царские слуги, насильственно умерщвленные в этой гробнице. В противоположном северо-западном углу двора находилось большее скопление костей старого верблюда, а непосредственно перед вышеупомянутой повозкой – скелет собаки. Если учесть, какое большое значение занимали эти животные в религиозных представлениях древних иранцев (особенно собака, которая играла главную роль в ритуалах *сагдид* при погребении людей), то присутствие ее в гробнице не покажется странным и чем-то необычным.

Кроме одного целого каменного «посоха» длиной почти в 2 м и фрагментов двух других, изготовленных из разных пород камня, алебастрового «диска» и выброшенных наверх грабителями двух так называемых «миниатюрных колонок», у входа в вышеупомянутый «дом мертвых» находились два бронзовых, предположительно, «светильника» со свободно свисающими ручками. Один из них с ажурным туловом близко напоминает такое же изделие, обнаруженное в богатом аристократическом захоронении в столице Белуджистана, в Кветте⁸, а второе изделие находит прямые аналогии в изделии могильника из Шахдада⁹. Среди керамических сосудов выделяются конический кубок и банковидный сосуд, расписанные «решетчатым» орнаментом, которые точно соответствуют аналогичным, найденным исключительно в аристократических двухкамерных гробницах некрополя Гонура¹⁰. Все эти наблюдения дают основание считать, что такие расписные сосуды с «решетчатым» орнаментом являлись погребальными принадлежностями не просто богатых, но родовитых, аристократических семей местного маргушского общества.

Человеческие останки не были найдены ни в одной из камер гробницы, кроме первого помещения, куда предположительно и помещался покойник (или покойники). На это

⁸ Jarridge J., Hassan M. *Funerary Complexes in Baluchistan at the End of the Third Millennium in the Light of Recent Discoveries Merghar and the Quetta* // SAA. 1984.

⁹ Hakemi A. Shahdad, *Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran*. Rome, 1997.

¹⁰ Сарцианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

указывает незначительное количество разрозненных костей скелетов, исключая черепа. Состояние и морфологические особенности костей свидетельствуют о том, что там были останки по меньшей мере четырех человек – мужчины (40–50 лет), женщины пожилого возраста (старше 60 лет), молодой женщины (15–16 лет) и подростка (до 14 лет). По заключению антрополога Н. Дубовой, все они погребены в разное время, что указывает на последовательный обряд захоронения. Отсутствие человеческих черепов в основных захоронениях дает право допустить и практику «вторичных захоронений», которая по прошествии определенного времени была отмечена в элитарных камерных гробницах некрополя Гонура¹¹, а также в могильниках долины р. Сват (Пакистан) и в Тигровой Балке (Таджикистан), о чем подробнее будет сказано ниже.

Заканчивая описание гробницы № 3200, следует подчеркнуть, что она, бесспорно, представляла собой модель обычного дома, и это, по мнению М. Гимбутас, было характерно для погребальных обрядов индоевропейских народов, в том числе индоиранских племен. Эта точка зрения была поддержана другими специалистами¹². Как будет показано ниже, гробницы, имитирующие дома, были характерны для погребальных обрядов не только царского некрополя, но маргуйской аристократии вообще. Свидетельством этого является некрополь Гонура¹³, лишней раз указывая на индоиранскую принадлежность населения, которое сюда переселилось.

Следующая гробница № 3210 представляет собой котлован прямоугольной формы, разделенный кирпичной стеной на две неравные по размерам камеры. Меньшая камера была выложена изнутри кирпичами, в то время как большая была лишь обмазана толстой, глиняной штукатуркой, что напоминает аналогичную отделку интерьера двора гробницы № 3200. В меньшей (северной) камере, непосредственно у восточной стены, лежали разрозненные кости не менее чем от шести–семи как мужских, так и женских скелетов разного возраста. В большей (южной) камере в разных местах (но преимущественно у западной стены предполагаемого двора) обнаружены останки двух людей, которые перекрывают кости и череп верблюда, что, по мнению Н. Дубовой, может указывать на их насильственную смерть. Всего же в большой камере найдены останки не менее четырех человек. Судя по всем данным, меньшее помещение выполняло функции «погребальной камеры», куда помещали умерших, в то время как большее в основном служило для погребальных приношений. В ней могли совершаться и человеческие жертвоприношения. Разделительная между камерами стена сохранила проход, который в момент раскопок оказался частично заложен кирпичами, но «всухую» – для быстрой их разборки и прямого сообщения между камерами, что указывает на их функциональную взаимосвязь.

Гробница оказалась сильно поврежденной грабителями, поэтому трудно судить о первоначальном расположении тел погребенных и особенно приношений. Тем не менее, основная часть находок (и в первую очередь мозаика) концентрировались у восточной стены большой камеры, где, предположительно, могла быть несохранившаяся к моменту раскопок дарохранильница. Именно в этом месте и были обнаружены остатки большого мозаичного фриза (длиной более 80 см) с изображениями, по крайней мере, трех пар противостоящих друг другу львиных грифонов, которые могли первоначально украшать интерьер камеры, а возможно, даже предполагаемую дарохранильницу. Судя по общей «противоборствующей» тематике мозаичных композиций, состоящих из противостоящих друг другу фантастических животных со зло оскаленными пастьми, все они пронизаны идеей бескомпромиссной борьбы и взаимного противостояния (рис. 11). Это же демонстрирует и изображение львиного крылатого грифона с рогом на носу и небольшой бородкой с задранной на спину хвостом, заключенное в прямоугольный картуш (рис. 12). Все это может указывать на то, что главным погреб-

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Jones-Bley K. Defining Indo-European Bureal // Journal of Indo-European Studies. 1997. № 19.

¹³ Сарияниди. Некрополь Гонура...

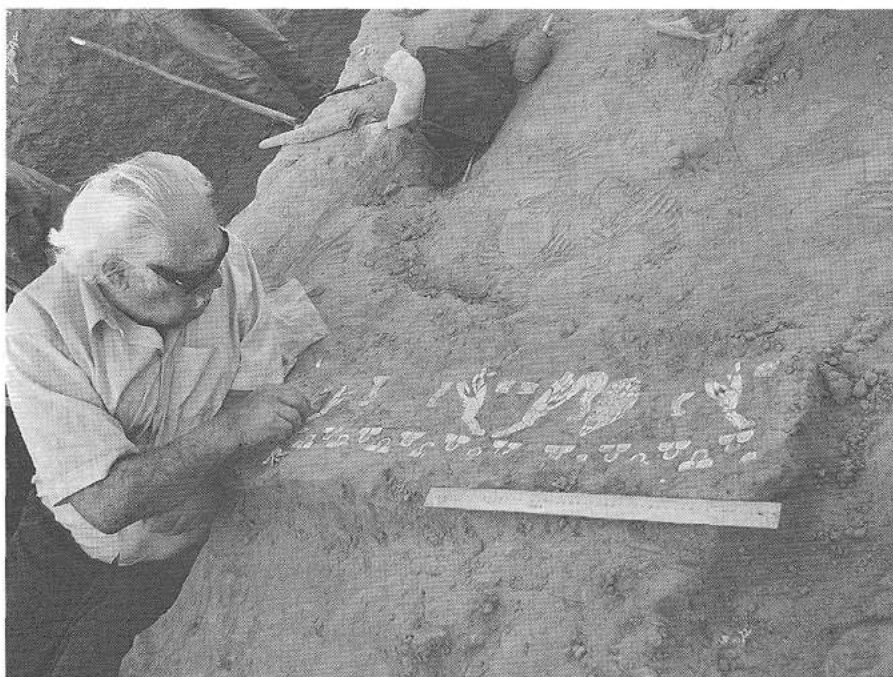

Рис. 11. Мозаичный фриз с фигурами противоборствующих грифонов в гробнице № 3210 в момент расчистки

бенным в гробнице № 3210 был мужчина, предположительно – воин. Дополнительным доказательством является находка в этой могиле 50 каменных наконечников стрел.

Темы и образы мозаичных изображений – бесспорно переднеазиатские, которые проникли в Маргиану вместе с пришлыми племенами. Доказательством того являются точно такие же фантастические персонажи с рогами и бородками, хорошо известные по памятникам сфрагистики и глиптики Бактрии¹⁴. В этой связи большой интерес вызывает серебряный с позолотой церемониальный топор из Бактрии (ныне хранящийся в музее Метрополитен), отлитый в виде крылатого человека с двумя орлиными головами, борющегося с кабаном и фантастическим крылатым чудищем, голова которого украшена бородкой. М. Потье первая доказала их связь с образами месопотамских чудищ с рогом и бородкой. Связующее звено между бактрийско-маргианскими и месопотамскими фантастическими существами дает Элам: свидетельством этого является найденный здесь и хорошо известный церемониальный топор в виде головы чудища с рогом и бородкой¹⁵.

Вместе с тем среди сохранившихся мозаичных фризов есть персонажи (как, например, змеи), пожирающие травоядных животных, – наиболее популярные в прикладном искусстве Бактрии и Маргианы. В этом плане показательны мозаичные змеи (а точнее, змеиные драконы), заглатывающие рогатых антилоп (рис. 13), а также другие тематические композиции, в которых присутствуют змеиные чудища. Среди сюжетных мозаик выделяются изображения орлов в геральдической позе с широко распростертыми кры-

¹⁴ Pottier M.-H. *Materiel Funeraire de la Bactriane Meridionale de L'Age du Bronze*. P., 1984. Pl. XLV, 332; Amiet P. *L'age des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.C.* P., 1986. Fig. 183.

¹⁵ Mecquenem R. *Ofrandes de Foundation du Temple de Chouchinak // Memoires de la Mission Archeologique en Perse*. T. VII. P., 1905. Pl. XVII, 8.

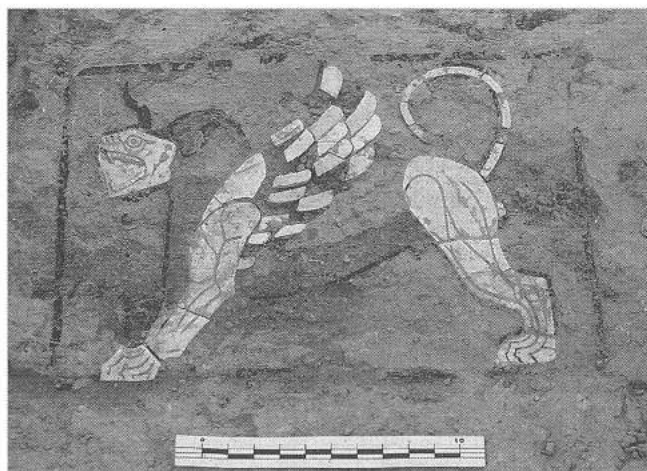

Рис. 12. Мозаика с элементами живописи из гробницы 3210 с изображением грифона

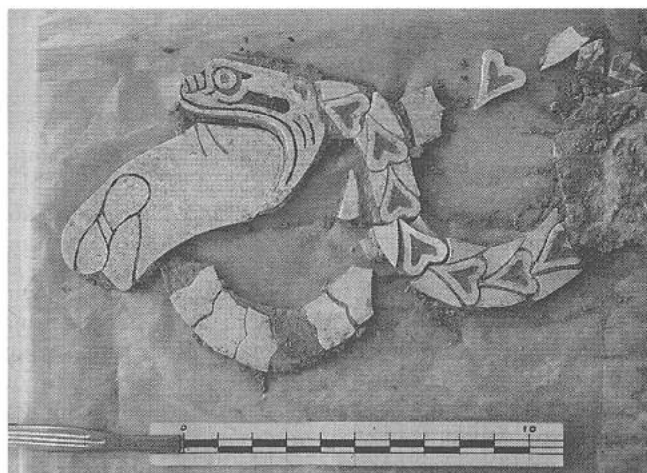

Рис. 13. Фрагмент мозаики «змеинный дракон, заглатывающий антилопу» из гробницы № 3210

ляями, но всегда без голов, которые, возможно, были сделаны в рельефе и выступали за гладь стены, а в таком случае их легко могли сбить со своего места грабители.

Показательно использование комбинированной техники – мозаики в сочетании с полихромной живописью, что, как кажется, впервые обнаружено в искусстве Центральной Азии. В целом же рассматриваемая наборная мозаика выполнена методом «прямого набора», для чего прямо на стены гробниц наносился слой клеящей «цемянки», на который затем прикреплялись заранее вырезанные фигурные мозаичные пластины. Доказательством этого служат отдельные фигурные гипсовые пластины, которые были найдены в момент раскопок непосредственно закрепленными на стенах. С другой стороны, можно допустить, что наиболее тонкие и сложные композиции компоновались на обмазанной цемянкой деревянных плитах, которые затем крепились на стенах гробниц. Есть все основания считать, что при составлении мозаичных панно использовались разнообразные шаблоны, доказательством чего является обнаружение таких «фаянсовых» шаблонов или лекал в могиле мастера-камнереза некрополя Гонура¹⁶. О

¹⁶ Сарияниди. Некрополь Гонура... Табл. 4, 10.

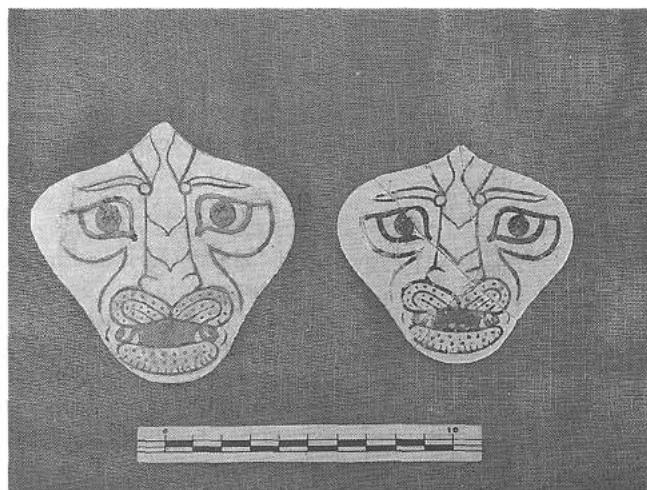

Рис. 14. Мозаичные вставки «головы барсов» из гробницы № 3210

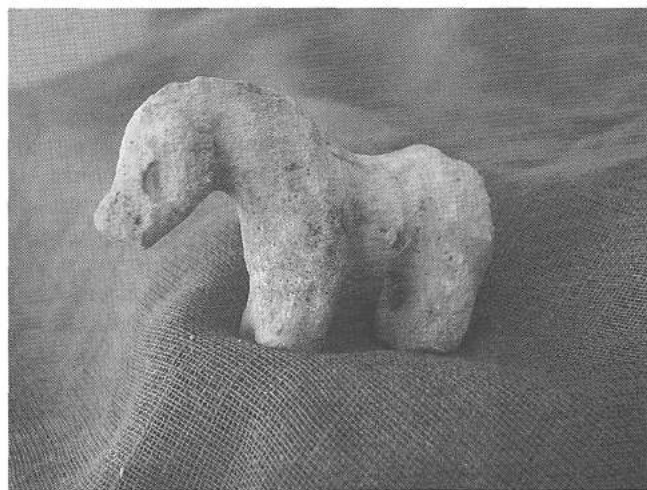

Рис. 15. Каменная фигурка лошади из гробницы № 3210

широком репертуаре мозаичного искусства свидетельствует находка двух крупных гипсовых голов пантер (барсов?), тела которых не сохранились (рис. 14). Среди каменных находок выделяются два алебастровых «диска» и фрагменты «посохов», служивших в качестве «знаковых» изделий наподобие скипетров. Явно не случайно практически у всех фрагментов один конец выточен в виде конского копыта, что, по мнению М. Потье, может быть связано с мифологическими текстами Авесты¹⁷.

Характерной особенностью этой гробницы является наличие более 30 больших тарных однотипных грушевидных сосудов высотой 70–75 см (предположительно – для вина или пива). Кроме того, исключительного внимания заслуживают серебряная «сигнальная труба», использовавшаяся при тренировке лошадей, а также каменная фигурка лошади с седлом (рис. 15). Они свидетельствуют не только о домашнем коневодстве маргушцев, но и об использовании ими верховой лошади. Из мелких находок следует отметить обрывки золотой фольги, фрагмент золотой спирали и мелкие золотые бусинки,

¹⁷ Pottier. Op. cit. P. 16. Pl. V.

Рис. 16. Мраморная головка от составной статуэтки из гробницы № 3210

накладки из слоновой кости с отверстиями для крепления и фрагменты фаянсового браслета. У прохода под стеной, разделяющей обе камеры, была обнаружена «спрятанная» мраморная головка от составной статуэтки (но без туловища), украшенная сверху сложной прической из черного стеатита (рис. 16). Найдены также скопления костей животных, в том числе верблюда, овцы, козы (на некоторых костях сохранились следы от медно-бронзовых изделий), а также телят. Как и в гробнице № 3200, здесь был обнаружен скелет собаки, усыпанный мелким гипсовым бисером.

Погребение № 3220 – самое восточное в царском некрополе – было окружено кирпичным кругом (шириной в два ряда кирпича и диаметром 12 м). Рядом проходит обводная стена всего дворцово-культового ансамбля, которая, не доходя до могильного круга, делает излом внутрь и непосредственно примыкает к этому кругу, как бы «специально» включая гробницу внутрь

всего этого огромного ансамбля. Надо добавить, что обводная стена была возведена на уже накопившихся к тому времени культурных слоях, что указывает на ее более позднее время, чем гробница. Внутри круга, но на дневной поверхности располагались двойной алтарь со следами огня и двухкамерная печь для приготовления жертвоприношений из мяса крупных животных, доказательством чего служат такие же печи, обнаруженные в северной части Гонура.

При создании гробницы был вырыт прямоугольный котлован, облицованный изнутри кирпичами. С самого начала раскопок внутри котлована стали появляться бесспорные следы ограбления в виде многочисленных фрагментов фигурных мозаик, а также фрагменты двух «миниатюрных колонок», двух каменных «посохов» и трех кремневых наконечников стрел. Хотя грабители в сильной степени исказили внутренний план гробницы, он достаточно надежно реконструируется. Вход в гробницу находился в восточной стене, представляя собой слабо наклонный пандус. Прямо за входом располагался широкий коридор (пом. 4), из которого соответствующие проходы вели в три других помещения (рис. 17).

Помещение 1, самое обширное из них, имело в южной части большую своеобразную кирпичную нишу (точное назначение которой остается не совсем ясным), сильно нарушенную грабителями. На полу было обнаружено большое хаотическое скопление человеческих костей, два человеческих черепа и незамеченные грабителями «косметическая лопаточка» из слоновой кости и бронзовый, так называемый церемониальный топор. Рядом располагалось обширное помещение 2, у южной стены которого обнаружен «стол» (высотой в два ряда кирпичей) с деревянной крышкой, следы которой четко прослеживаются на верхней поверхности стола. На этом месте (но на 25 см выше стола) находились золотая пружина и рядом разрозненные кости человеческой руки. Прямо напротив стола, в середине северной стены, располагался двухкамерный очаг (тыльная сторона которого выходит в смежное помещение 3), разделенный внутри невысоким валиком на две части: топку и духовку. Такой конструкции печи, как правило, использова-

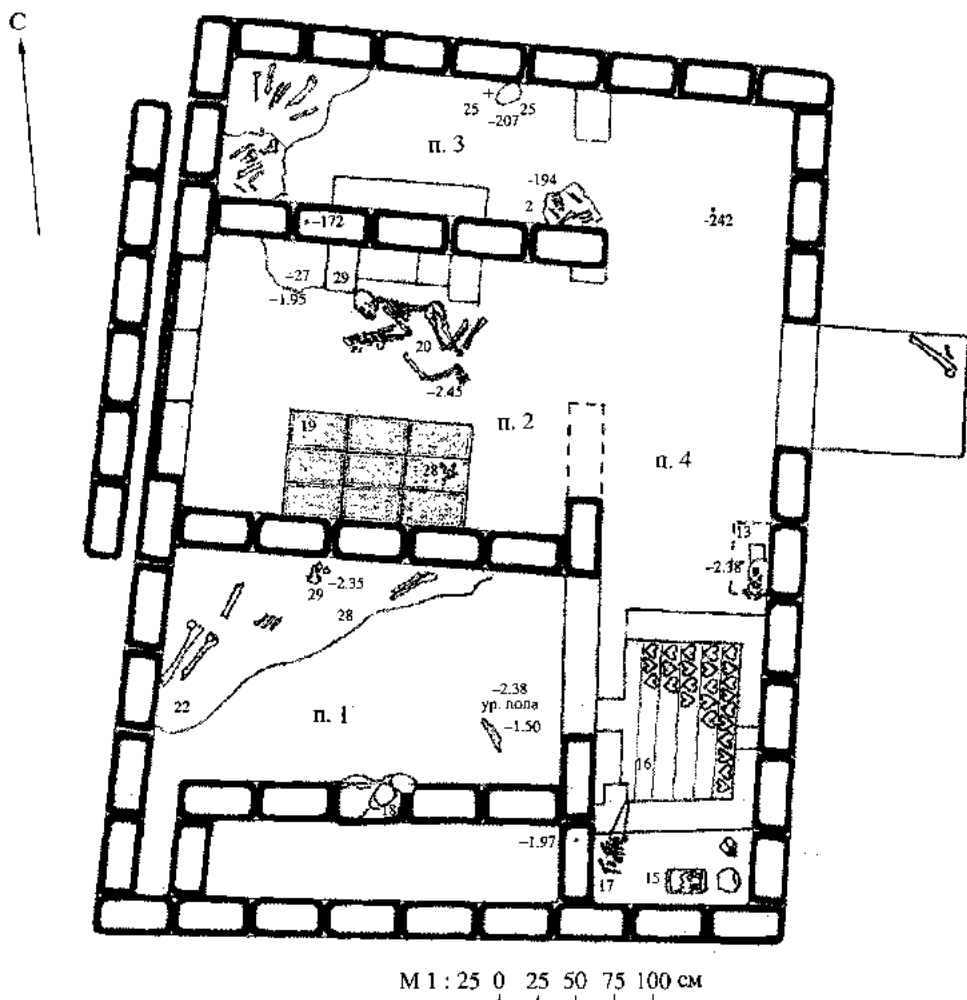

Рис. 17. Общий план гробницы № 3220. 1 – каменная скульптура барана; 2 – захоронение взрослого мужчины; 3 – «дарохранильница», украшенная мозаикой из «сердец»; 4 – правая половина скелета барана/козы и бронзовый двухлезвийный кинжал; 5 – клад бронзовых, серебряных и золотых сосудов; 6 – два человеческих черепа; 7 – ножичек из слоновой кости с ручкой, украшенной солярными знаками; 8 – золотая цепочка в виде пружины; 9 – бронзовые ритуальный топор и печать; 10 – беспорядочное скопление человеческих костей; 11 – скопление мозаичных композиций из гипсовых «сердечек» разных размеров; 12 – двухкамерный очаг; 13 – скопление изделий из слоновой кости («гадательные палочки», диски, квадраты, украшенные солярными знаками) вперемешку с разрозненными человеческими костями; 14 – скопления разрозненных человеческих костей от нескольких скелетов; 15 – человеческий череп и небольшой диск из слоновой кости с солярными знаками; 16 – полный скелет взрослой женщины; 17 – модель стола из сырцовых кирпичей, накрытая деревянной доской

лись исключительно для приготовления жертвоприношений, что, видимо, верно и в отношении этого очага.

В западной стене устроена обширная ниша так, что для укрепления самой стены снаружи была возведена вторая – опорная – стенка. Между столом и двухкамерной печью обнаружено скорченное захоронение человека, у локтя которого лежал медный браслет с агатовой вставкой. На запястье руки сохранились незамеченные грабителями четыре крупные агатовые бусины.

Рис. 18. «Дарохранильница» из гробницы № 3220

Помещение 3 – узкое, прямоугольное, в нем имелось большое, хаотическое скопление человеческих костей и среди них изделия из слоновой кости, в том числе кружки и квадраты, орнаментированные кружковым орнаментом, а также так называемые гадательные палочки. К северной стене был прислонен каменный диск, изготовленный из мраморизированного известняка. Итак, погребальная конструкция гробницы № 3220, подобно конструкциям рассмотренных выше гробниц № 3200 и 3210, также представляет собой макет дома с тремя помещениями и соединяющим их общим коридором. Небольшое отличие заключается лишь в том, что здесь отсутствует прилегающий к «дому» двор.

Главные находки находились в «тайнике», который родственники покойников устроили в южной части коридора (пом. 1). Можно предполагать, что между родственниками умерших и грабителями все время проходила невидимая, но вполне определенная «война», когда первые любым путем (и в первую очередь устройством всякого рода «тайников») пытались скрыть местонахождение богатых погребальных приношений, в то время как вторые стремились найти их. Именно такой «тайник» был обнаружен в южной части коридора, для чего на этом месте был установлен деревянный «ларь» или «короб» (размеры: длина – 1.0 м, ширина – 0.75 м и высота – 0.6 м), три внутренние поверхности которого (две торцовые и дно) были выложены однотипной составной мозаикой в виде сердечек. Мозаика на дне образована пятью рядами чередующихся сердечек вершинами вверх и вниз. Как правило, каждое такое крупное сердечко вырезано из гипсовой пластины, середина окрашена в ярко-красный цвет, а контур обведен черным цветом. Хотя точное назначение «короба» не совсем ясно, думается, что в нем находились второстепенные погребальные приношения, которые должны были отвлечь внимание грабителей от подлинных сокровищ, как оказалось, надежно спрятанных под этими, менее ценными приношениями. В таком случае целесообразно назвать такие «лари» «дарохранильницами», которые, как это стало возможным установить, имелись практически во всех гробницах (рис. 18). Как оказалось, эта дарохранильница была поставлена на два кирпича, ниже которых располагалось тело предполагаемого основного захороненного так, что в момент раскопок человеческие кости проглядывались через дно дарохранильницы. Поскольку грабители не заметили покойника, значит, ограбление произошло вскоре после погребения, когда дно дарохранильницы еще было целым (деревянным?) и погребенного не было видно. После снятия дарохранильницы под ней было обнаружено основное захоронение. Голова погребенного покоилась на каменной статуе барана, но почему-то с длинным хвостом (рис. 20), а под ногами в материке, на глубине

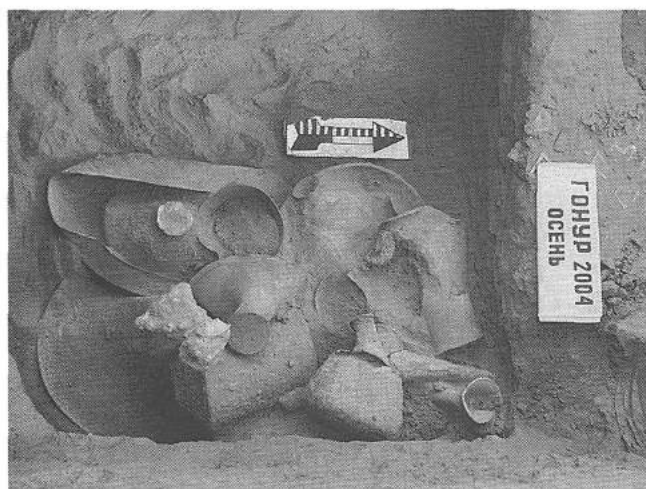

Рис. 19. Тайник в гробнице № 3220 в момент расчистки

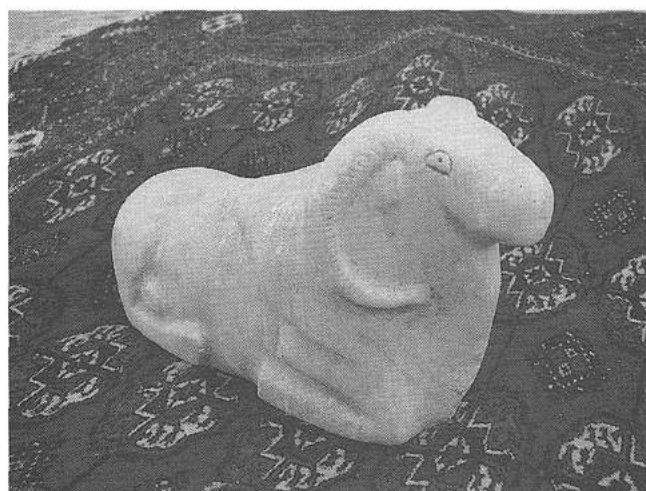

Рис. 20. Каменная скульптура барана из гробницы № 3220

50 см, ниже пола гробницы был найден сам тайник (размер 1 м²) (рис. 19), наполненный золотыми (2 экз.), серебряными (17 экз.) и медно-бронзовыми (5 экз.) сосудами, в том числе одна серебряная воронка-ситечко (рис. 21). В ногах покойника находились часть скелета барана и двухлезвийный кинжал (рис. 22).

Практически все металлические сосуды повторяют формы керамических. Среди них можно отметить массивный золотой графин с длинным, узким горлом и золотую открытую чашу. Среди серебряных сосудов выделяются конической формы кубки, в том числе кубок на низкой ножке, украшенный по венчику полуovalами, возможно, изображающими горы. Другой – высокий кубок, без ножки, с ребристым перегибом у дна – орнаментирован по венчику парой извивающихся лент – типичный орнамент, использовавшийся в сиро-хеттском искусстве. Кроме того, следует отметить стройную вазу на высокой ножке, а также глубокие чаши с округлым дном и глубокие же миски. Особняком стоит большой массивный серебряный сосуд, напоминающий «граммофонную трубу», назначение которого остается неясным. На золотой чаше (на ее донце) сохранился

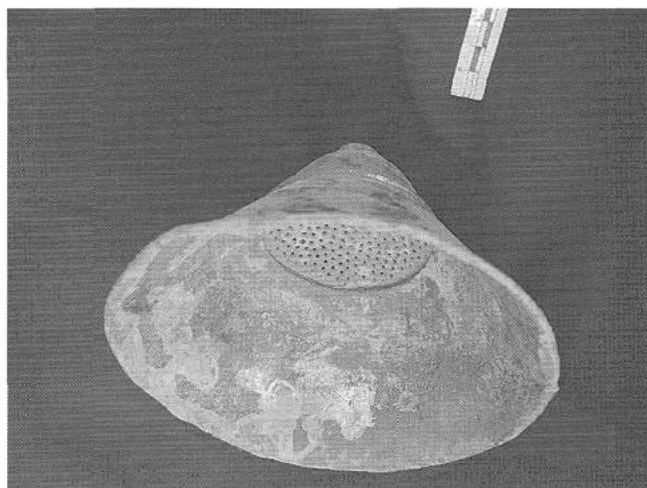

Рис. 21. Серебряное ситечко из тайника в гробнице № 3220

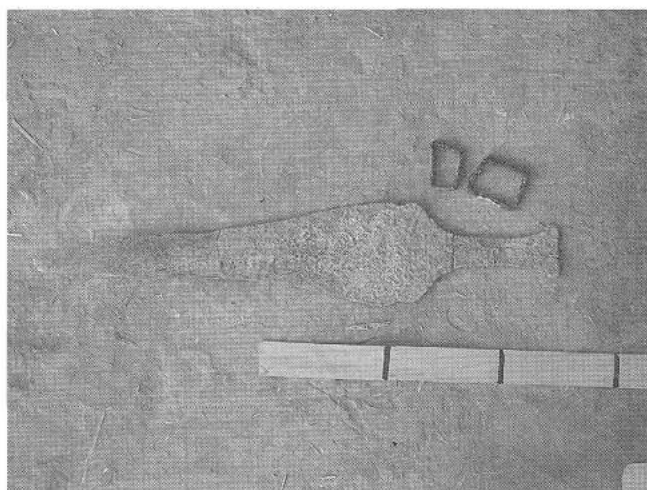

Рис. 22. Двухлезвийный кинжал из гробницы № 3220

рисунок злака, по-видимому, пшеничного колоса (рис. 23), в то время как пять других сосудов (в том числе и золотой графин) имеют однотипные гравированные изображения стоящих двугорбых верблюдов-бактрианов (рис. 24). Явно не случайно у трех из них выше горбов располагались рисунки, на которых были изображения, отдаленно напоминающие луки с тетивами.

Образ верблюда, столь популярный в древней Маргиане, конечно же, не случаен. Дознательством этого служит еще один серебряный сужающийся кверху банкообразный сосуд с рельефным изображением двух шагающих друг за другом верблюдов, выполненных с величайшим мастерством (рис. 25). Возможно, тамгами-знаками являются два однотипных изображения треугольника с двумя полуовалами под ним, помещенные на бедрах обоих верблюдов. Тонкая моделировка тел, когда показаны даже мозольные подушки на коленях, изображение густой, тщательно расчесанной шерсти на шеях, а также голов с выделенными ноздрями и большими глазами, демонстрируют древнейший рисунок верблюдов-бактрианов, выполненный с неподдельным мастерством безвест-

П3220
Круглое
блюдо
(золото)

Рис. 23. Прорисовка гравированного изображения колоса на круглом золотом блюде

П3220 Ваза на полой
ножке (серебро)

а

П3220 Цилиндрический
сосуд (серебро)

б

П3220 Графин
(золото)

в

Рис. 24. Прорисовка гравированных изображений двугорбого верблюда на донцах сосудов из тайника гробницы № 3220 (работа А.А. Ниязмухаммедовой)

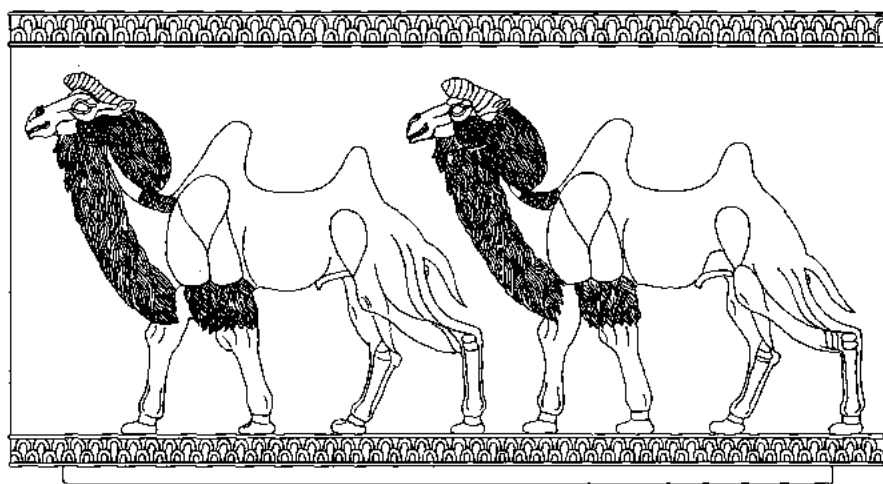

Рис. 25. Прорисовка рельефного изображения двух двугорбых верблюдов на серебряном банкообразном сосуде из тайника гробницы № 3220 (работа А.А. Ниязмухаммедовой)

ным, но бесспорно талантливым мастером, творившим в конце III тыс. до н.э. в древней стране Маргуш. Образ верблюда был неизвестен в Месопотамии до I тыс. до н.э., что исключает возможное предположение об импортном происхождении этого маргианского сосуда, являющегося изделием местного мастера-умельца. Верблюд был наиболее важным и почитаемым животным у древних иранцев и особенно, как это можно су-

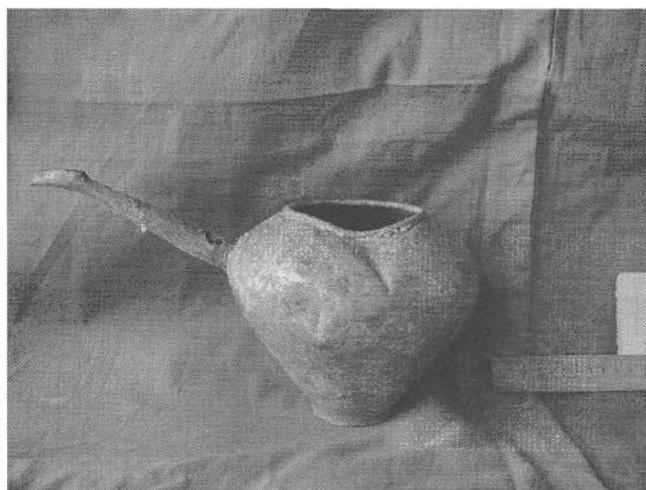

Рис. 26. Серебряный сосуд с длинным носиком из тайника гробницы № 3220

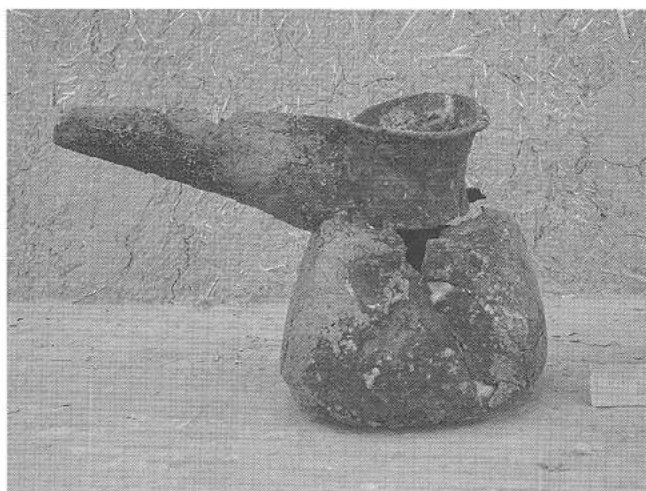

Рис. 27. Бронзовый сосуд с длинным сливом в виде лотка из тайника гробницы № 3220

дить по Авесте, у зороастрийцев. Так что, возможно, действительно, имя новоявленного пророка Заратуштры включает слово «верблюдо» (*зар* – золотой, *уштр* – верблюдо), на что уже давно обратили внимание лингвисты.

Среди сосудов в тайнике обнаружен также серебряный чайник с длинным носиком (рис. 26), имеющий прямые аналогии в слое Гиссар ШС, который по новой, уточненной хронологии датируется временем 2250–2200 гг. до н.э. С другой стороны, среди этого «сервиса» есть медный сосуд с длинным сливом в виде лотка (рис. 27), аналогичный такому же из гробницы № 2900 (об этом см. ниже), которая по радиоуглеродным определениям и стратиграфическим наблюдениям относится ко второй половине II тыс. до н.э. Еще один точно такой же медный сосуд был найден в явно элитарной, аристократической гробнице № 1999 некрополя Гонура. Судя по сопровождающему его каменному банкуобразному сосуду с нацарапанным орнаментом, он также может быть отнесен к комплексу керамики Гиссар ШС. Похожие медно-бронзовые сосуды с длинными и широкими сливами более характерны для Северного Ирана, где они в основном происхо-

дят из случайных находок. Зато они хорошо представлены в могильнике Шахдада¹⁸. Словом, пока не появились новые данные, можно допустить, что сосуды с лоточковидным сливом были принесены в Маргиану пришлыми племенами в конце III тыс. до н.э. (гробницы № 1999, 3220) и просуществовали вплоть до второй половины II тыс. до н.э. (погребение № 2900), что, однако, требует дальнейшего уточнения на новом археологическом материале (рис. 28).

Наконец, среди металлических сосудов из тайника, как было отмечено, имеется серебряное изделие в виде воронки-ситечка, служившего, как считается, для процеживания сока от измельченных стеблей при приготовлении напитков наподобие вина или пива. Не отвергая такого предположения, отметим, что аналогичные воронки-ситечки были найдены уже в нескольких могилах Маргианы (могила жрицы в храме Тоголок-1, в камерной гробнице № 1999, в цисте № 2900), а теперь в царской гробнице № 3220. Поэтому, возможно, не случайно, что все они обнаружены в элитарных захоронениях. Точно такие же воронки-ситечки известны в Месопотамии¹⁹, причем важно отметить, что один такой золотой предмет происходит из царских могил Ура. Теперь серебряное ситечко из Гонура не оставляет никаких сомнений в их сходстве и происхождении. В этом плане показательны такие воронки из Элама²⁰ и могильника Шахдад²¹, маркирующие промежуточные пункты на пути продвижения подобных изделий из Месопотамии в Центральную Азию и, в частности, Маргиану, вместе с приходом сюда пришлых племен с запада. Тот факт, что подобные воронки изготавливались не только из простой меди, но и из драгоценных металлов (золота и серебра), может указывать на их назначение служить для процеживания сока таких алкалоидных растений, как эфедра и конопля, при приготовлении культовых напитков типа сома-хаома. В таком качестве они должны были служить своему владельцу не только в реальной, но и в потусторонней жизни. Наконец, большой двухлезвийный кинжал из того же погребения относится к тому типу вооружения, какой был распространен в это время в передовых центрах Ближнего Востока, вплоть до Восточного Ирана (Шахдад).

Заканчивая характеристику гробницы № 3220, необходимо отметить, что среди «сервиса» выделяются своими чрезмерно массивными тяжелыми формами отдельные золотые и особенно серебряные сосуды, что не всегда оправдывается их назначением. Так, золотой графин имеет вес около 1 кг, серебряное блюдо в виде «граммофонной трубы» — 4 кг, а широкое блюдо с невысоким бортиком — 4,5 кг. Думается, что такие излишне массивные изделия должны были символизировать собой богатство их владельцев при жизни, которое они могли взять вместе с собой в потусторонний мир.

Погребение № 3225 представляет собой (вместе с аналогичным погребением № 3240) необычную могилу (рис. 29 а, б) в виде простого прямоугольного котлована глубиной

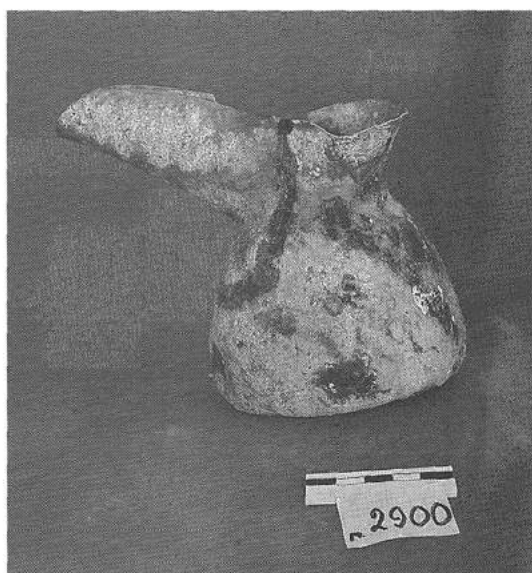

Рис. 28. Бронзовый сосуд с длинным сливом в виде лотка из цисты № 2900 Северного Гонура

¹⁸ Hakemi. Op. cit. P. 630.

¹⁹ Frankfort H. Iraq Excavations of the Oriental Institute. 1932/1933. Chicago, 1935. Fig. 35, 4.

²⁰ Tallon F. Metallurgie Susienne 1. De la fondation de Suse au XVII siècle avant J.-C. 1987. № 808.

²¹ Hakemi. Op. cit. P. 641.

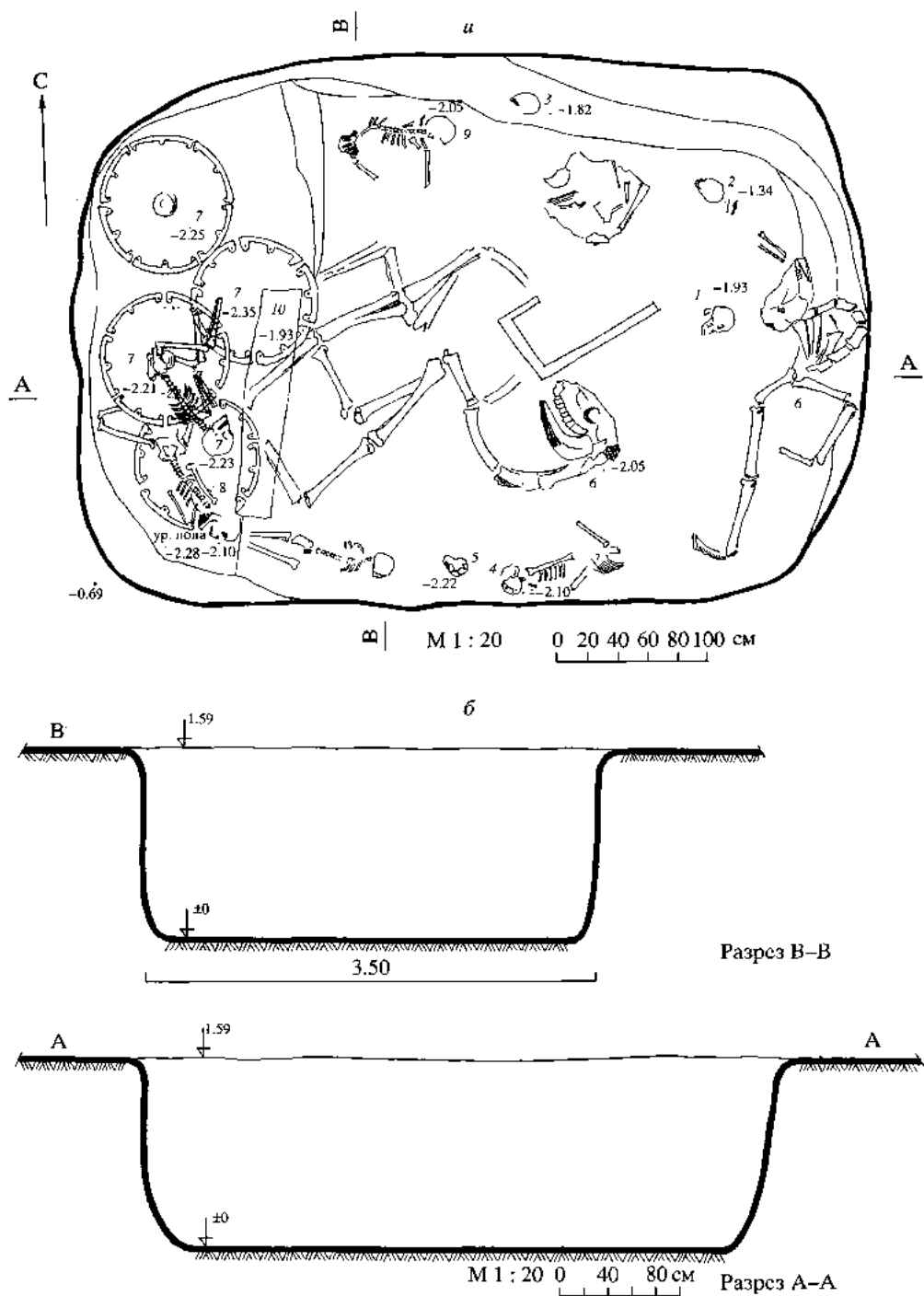

Рис. 29 а, б. План и разрез погребения № 3225. 1-5, 9 - человеческий череп; 6 - скелет верблюда; 7 - колеса от телеги; 8 - скелет человека; 10 - фрагмент дерева

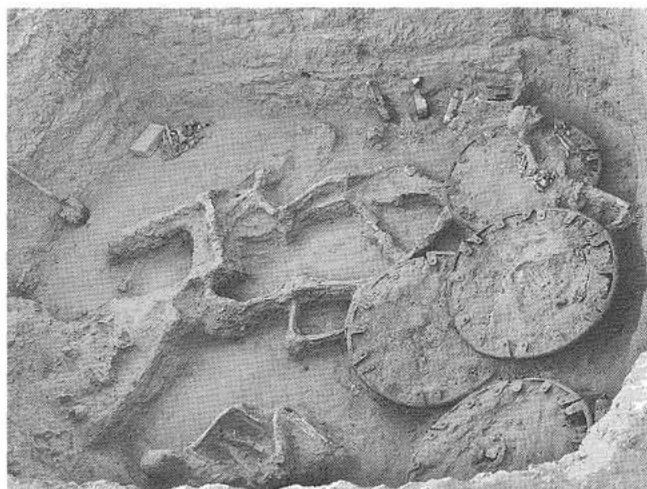

Рис. 30. Повозка из гробницы № 3225

свыше 1.9 м, но не пустотелого, а сразу же засыпанного землей. Доказательством необычности этого захоронения служит тот факт, что в этой неграбленной могиле не было найдено ни личных украшений, ни погребальных приношений. По периметру котлована находилось пять отдельных человеческих черепов и не менее пяти полных скелетов молодых мужчин. Два из них, находившихся напротив друг друга (соответственно у северной и южной стен), в момент смерти стояли на коленях, что может указывать на насильственную смерть не только их, но и всех людей в этой могиле. Вперемежку с человеческими костями здесь обнаружены полные останки двух верблюдов, из которых старый располагался в центре, а молодой – у южной стенки котлована, причем рядом с верблюдом в центре находились остатки дерева, предположительно, от сидения.

Непосредственно у западной стены котлована располагались четыре деревянных колеса (рис. 30), снятые с повозки, каждое диаметром 90 см, точно повторяющие описанные выше из погребения № 3200. Колеса сплошные, с выделенной втулкой, каждое состоит из трех плах, скрепленных между собой рейками, а ободья их – из шести отдельных, но составленных вместе «дуг», снабженных «ушками», при помощи которых прикреплялись заклепками к самим колесам. Судя по стратиграфии, сначала в котлован были спущены два колеса и только затем люди, здесь же умерщвленные, так как колени одного убитого лежали на одном колесе, а сверху их перекрывало второе колесо, которое, таким образом, было спущено в котлован позднее.

Рядом с колесами располагалось деревянное сидение (длиной 160 см, шириной 35 см) со спинкой и двумя «боковинами» (высотой 15 см), причем само оно было сделано из одной доски, а спинка и боковины – из трех узких планок. Возможно, остатки «сидения» представляют собой остатки трех деревянных плах, находившихся на спине второго верблюда, но это, однако, требует дополнительных доказательств. Но независимо от окончательного ответа, очевидно, что нахождение деревянной конструкции на спине верблюда исключает его назначение в качестве тяглового животного.

Четырехколесная повозка из гробницы № 3200 и колеса из могилы № 3225 и, предположительно, № 3240 (об этом см. ниже) являются первыми находками такого рода в Центральной Азии. В высшей степени показательно, что колеса абсолютно такой же конструкции известны в Бактрии²² и Эламе²³. Поэтому есть все основания утверждать,

²² Pottier. Op. cit. Pl. XLIV, 326.

²³ Mecquenem R. Fouilles de Suse 1933–1939 // Memoires de la Mission Archeologique en Iran. T. XXIX. P., 1943. Fig. 74.

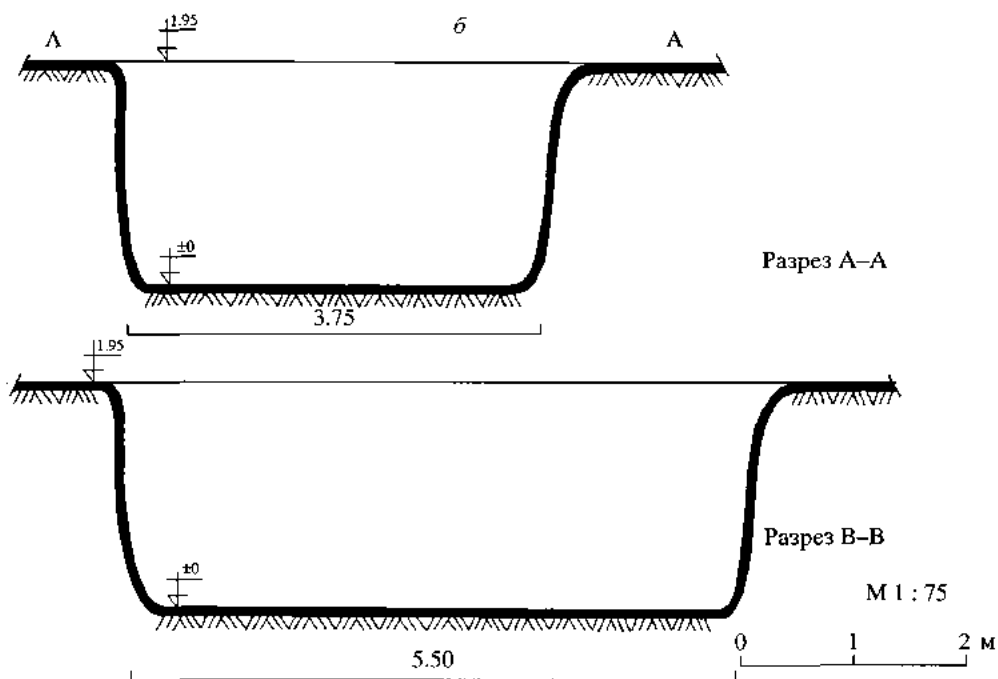
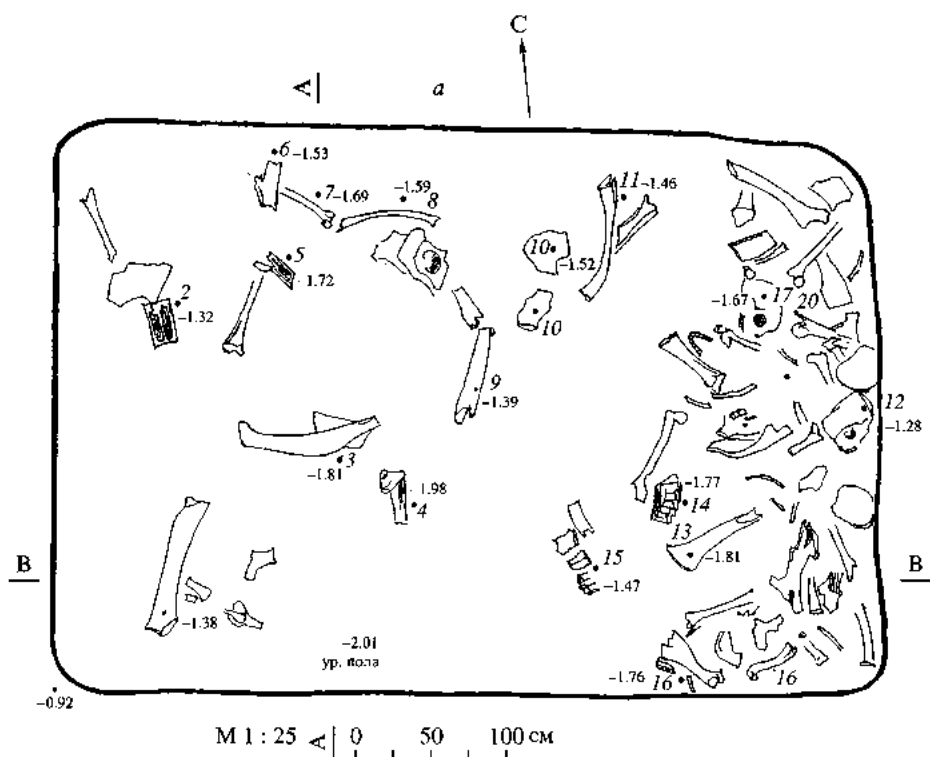

Рис. 31 а, б. Погребение № 3240. План и разрезы. 1 – кости животных; 2 – фрагменты керамики; 3 – зубы верблюда; 4, 5, 6, 10 – человеческие черепа; 7 – фрагменты дерева; 8 – кости коровы/быка; 9 – нижняя челюсть человека

что, по крайней мере на рубеже III–II тыс. до н.э., на территориях современных Туркменистана, Ирана и Афганистана был распространен колесный транспорт с лошадинойпряжкой. Хотя колеса подобной конструкции с бронзовыми ободьями пока более нигде не засвидетельствованы, не исключено обнаружение их в будущем и в западных исторических областях.

Итак, два убитых верблюда (которые считались наиболее высокоцитаемыми животными у зороастрийцев), вполне вероятные человеческие жертвоприношения и бронзовые ободья большой ценности – все это указывает на особое значение могилы № 3225, которая могла быть своего рода кенотафом, но не простого, а бесспорно высокого лица царского ранга.

Погребение № 3240 как по погребальному сооружению (прямоугольный котлован около 2 м глубиной), так и по типу захоронения (не пустотелый, а сразу же сплошь засыпанный землей) во многом сходно с могилой, описанной выше, за исключением того, что погребение № 3240 было ограблено в древности (рис. 31). Внутри гробница оказалась полностью заполненной насыпной землей вперемежку с фрагментами костей животных (двух верблюдов, коровы-быка, тельца и двух собак) и человеческими костями. В могиле были обнаружены останки 14 человек, кости которых были разбросаны по всей площади, но особенно большое скопление костей было отмечено в восточной части. Кости людей и животных лежали беспорядочно. Исключение составлял частично сохранившийся на полу скелет собаки со следами медно-бронзовых окислов, возможно, от лежавших рядом колес. Точно так же на костных остатках одного мужчины и одной женщины имеются интенсивные следы от медно-бронзовых окислов. Поскольку в этом котловане найдены хорошо сохранившиеся фрагменты дерева, которые скорее всего являются частями колес, можно полагать, что в восточной части котлована на полу лежали колеса от повозки.

На полу котлована, в северо-западном углу были найдены пять человеческих скелетов, сохранивших полный анатомический порядок костей, но лежавших в неестественных позах, что, по мнению Н. Дубовой, может указывать на их неестественную смерть. Они могли быть убиты (принесены в жертву?) уже внутри котлована, но их не просто сбросили, а придали им позы, характерные для обычных захоронений: скорченные, на правом боку, головой на северо-запад.

Суммируя полученные данные, думается, что и в эту могилу, как и в погребение № 3225, были положены снятые с повозки колеса, бронзовые ободья которых представляли для грабителей большую материальную ценность, что и послужило главной причиной ограбления могилы. Точно так же, как и в погребении № 3225, и в этой могиле не сохранилось абсолютно никаких личных украшений и погребальных приношений. Вероятнее всего, гробница № 3240 была элитарным кенотафом какого-то высокородного лица. Таким образом, очевидно, что захоронения № 3225 и 3240 с самого начала разительно отличались от всех других гробниц царского некрополя и, скорее всего, представляли собой древние кенотафы.

Гробница № 3230. На дневной поверхности внутри гробницы выявился прямоугольный кирпичный алтарь со следами сильного огня внутри. Как и другие гробницы, эта также представляет собой котлован, вырытый в материке и облицованный изнутри кирпичами. Внутри котлован разделен кирпичными стенками на четыре камеры с общим входом в гробницу, расположенным с восточной стороны, который оказался заложённым кирпичами «всухую», разобрав который, легко можно попасть внутрь.

В самых верхних слоях заполнения гробницы начали встречаться следы полного ее ограбления в виде разрозненных костей от человеческих скелетов вперемежку с личными украшениями и погребальными приношениями, а именно: фрагменты золотой фольги, нашивки, бусы, каменная «миниатюрная колонка», большое количество мозаики, разбитой керамики. Среди этих находок выделяются фрагменты стеатитовой композитной статуэтки, правда, без головы и руки.

Явно не случайно основная масса украшений концентрировалась в юго-восточном углу гробницы, ниже которого располагалась небольшая, почти квадратная камера 2, вну-

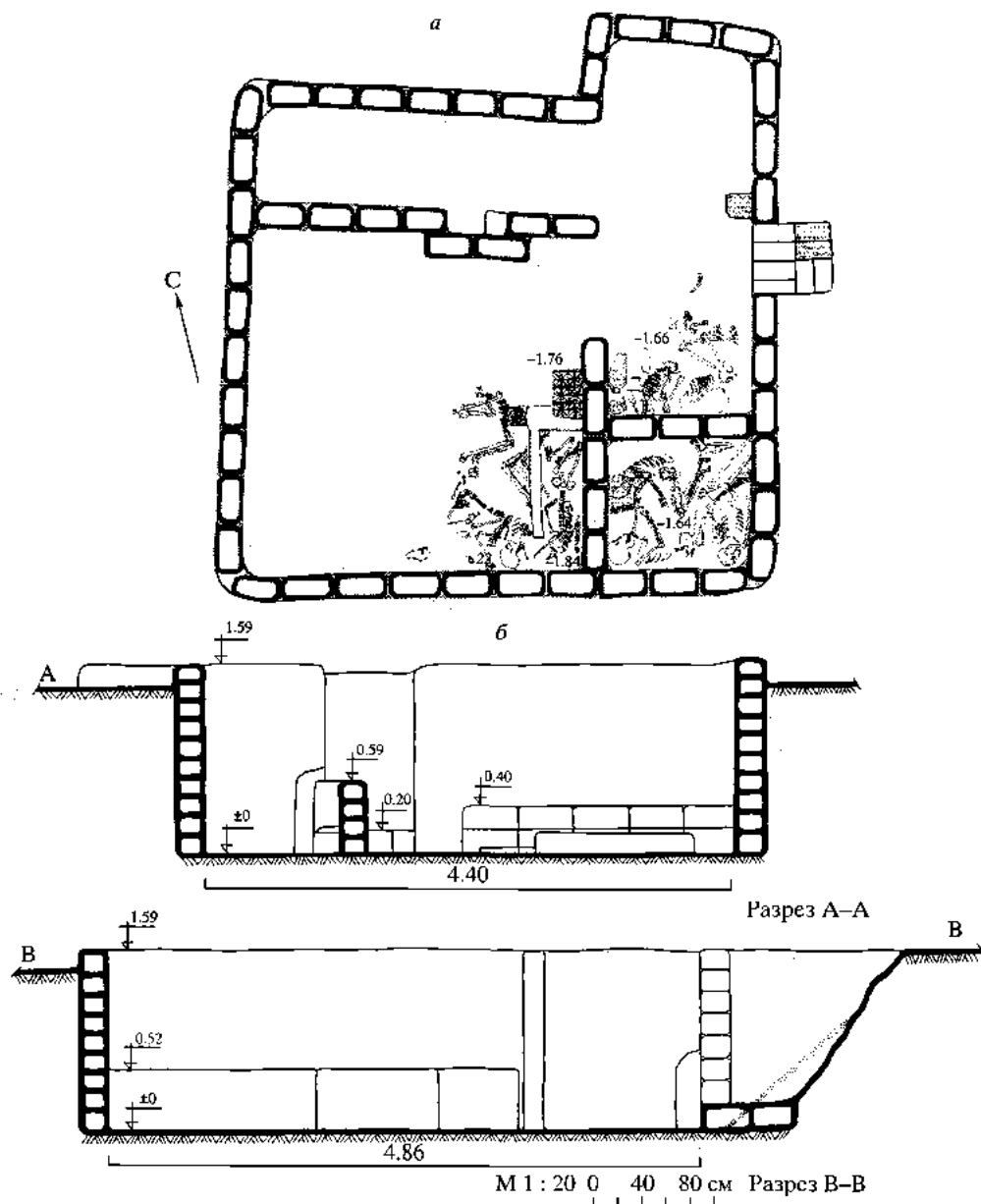

Рис. 32 а, б. Гробница № 3230. План и разрезы. 1 – скелет взрослой женщины, под теменем которой находился бронзовый ритуальный топор, а на шее – золотые бусы; 2 – скелет взрослого мужчины с золотыми бусами и «мешочком» с 10 кремневыми наконечниками стрел у черепа; 3 – костные останки двух взрослых женщин; 4 – костные останки еще двух взрослых женщин; 5 – костные останки карлика; 6 – костные останки двух женщин, рядом с которыми находились керамические сосуды; 7 – «дарохранильница», украшенная мозаикой в виде «коврового» узора; 8 – костные останки взрослых мужчины и женщины и молодого человека

три которой находились три скорченных скелета с разной ориентацией и абсолютно без каких-либо личных украшений и погребальных приношений (рис. 32). Еще три скелета взрослых людей находились в камере 3 (двух взрослых женщин и карлика) без погребального инвентаря, не считая нескольких средних размеров сосудов, два из которых были украшены расписным «решетчатым» орнаментом. В самой большой по размерам

камере 1 в юго-восточном углу сохранились человеческие скелеты, в большинстве случаев нарушенные, из которых лишь один женский оказался не потревоженным и лежал скорченным, головой на юг; а в ногах была сильно разрушенная прямоугольная дарохранительница, украшенная мозаичным орнаментом. На шее покойницы было золотое ожерелье, а за головой помещен бронзовый, церемониальный топор. Рядом находилось мужское захоронение. В нем найдены разрозненные золотые бусины, кроме того, около теменной части мужского черепа был положен, по-видимому, мешочек с 10 кремневыми наконечниками стрел, скрепленный медной ленточкой. Вокруг были обнаружены разрозненные кости женских скелетов, и как выяснилось, здесь находились один мужской костяк и пять женских.

Можно полагать, что помещение 4 являлось своеобразным коридором, здесь находился двухкамерный разрушенный очаг, топка которого выходила, судя по всему, именно в это помещение. Находки – керамика, фольга – были сделаны во всех помещениях. Бусины, обломки керамики обнаружены в верхних слоях заполнения. Как видно, большая часть гробницы оказалась пустой и могла предназначаться для последующих захоронений, которые по каким-то причинам не были совершены.

Гробница № 3235 представляет собой самое сложное по планировке погребальное сооружение. Вход в нее располагался с восточной стороны и представлял собой лестницу с семью ступеньками (рис. 33). Он был наглухо заложен кирпичами «всухую» для быстрого проникновения внутрь гробницы, стены котлована изнутри были облицованы кирпичами и покрыты толстой глиняной штукатуркой. На дневной поверхности по обе стороны от входа и по середине боковых стен гробницы располагались по два обожженных изнутри прямоугольных алтаря со следами горевшего огня внутри.

Прямой проход вел в помещение 5 типа своеобразного вестибюля с внутренней нишей в северной стене, где находились разрозненные кости и череп от человеческого скелета. Рядом на полу был обнаружен еще один скелет (отгороженный глухой стеной от остального помещения), над которым были остатки какого-то деревянного изделия (размером 30 на 75 см). Напротив, в южной стене, был устроен обычный очаг, около которого на полу обнаружены угольно-зольный слой и пять медно-бронзовых скоб. Наконец, около западной стенки вестибюля находились два человеческих черепа, но без скелетов. В этом помещении было найдено еще только нескольких разбитых керамических сосудов и деревянных остатков от «ларцев».

Широкий проход с порогом вел в смежное помещение 4 (своеобразный внутренний холл), которое имеет пять проходов с порогами, ведущими в соседние помещения, а в восточной стене была небольшая обычная печь с закопченным дымоходом. Почти в середине этого помещения, на глубине 45 см ниже пола обнаружены слегка нарушенные (уже вскоре после их захоронения) человеческие скелеты, из них три – молодых мужчин, лежащих в скорченных позах головой на север. Еще четыре костяка из этой же могилы – все женские, ориентированы, в противоположность мужским, на юг и все без инвентаря, только небольшая простенькая медная печать с орнаментом в виде крестика лежала на груди у одной покойной.

В засыпке могилы найдено небольшое количество разрозненных кусочков мозаики, указывающих на то, что они попали туда, когда грабители пытались что-то найти среди этих, далеко еще не разложившихся, погребенных. Вероятно, некоторые мозаичные вставки уже тогда осыпались со своего первоначального места и, так же, как и великолепная агатовая бусина с золотыми обоями, уроненная грабителями, могли случайно попасть в заполнение могилы семерых слуг.

Два прохода, устроенные в восточной стене, ведут в помещения 2 и 3. Помещение 2 – небольшое, прямоугольное, имеет неправильную конфигурацию вследствие того, что в нее выступает тыльная часть двухкамерного очага из смежного помещения 3. В свою очередь помещение 2 в середине северной стены также имеет двухкамерную печь с уступом, делящим ее на топку (с остатками золы на дне) и духовку. Все это и, главное, закопченный дымоход свидетельствуют об использовании печи во время функционирования самой гробницы. Непосредственно перед этой двухкамерной печью находились

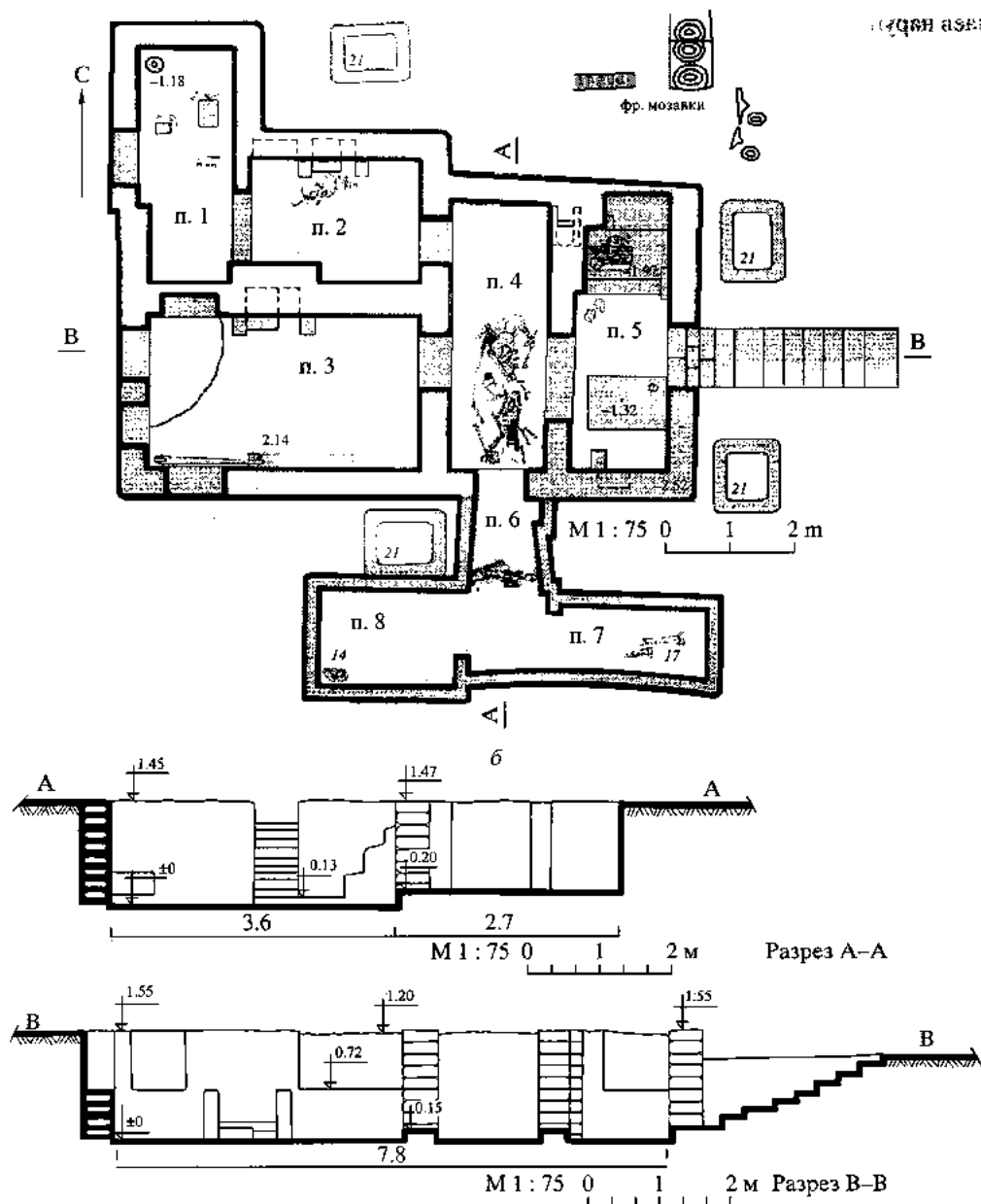

Рис. 33 а, б. Гробница № 3235. План и разрезы. 1 – алтари огня; 2 – двухкамерные очаги; 3 – скопление керамических сосудов; 4 – обычный очаг с сохранившимся дымоходом; 5 – обожженная ниша без дымохода; 6 – сланцевый посох с концом в виде лошадиного копыта; 7 – скопление фрагментов гипсовых и каменных мозаичных вставок; 8 – серебряные сосудики и булава с навершием в виде лежащего быка; 9 – остатки деревянной шкатулки, украшенной гипсовой мозаикой; 10 – два человеческих черепа; 11 – скелет взрослого человека, сверху которого стоял деревянный ящик («дарохранительница»); 12 – агатовая бусина в золотых обоях; 13 – клад бронзовых, серебряных и золотых сосудов; 14 – потревоженные и нарушенные мужские и женские скелеты, среди которых найдена агатовая бусина в золотых обоях; 15 – скелет пожилой женщины; 16 – керамические сосуды; 17 – кости животных; 18 – керамический сосуд; 19 – остатки деревянной «шкатулки» на бронзовых «ножках»; 20 – каменный цветок

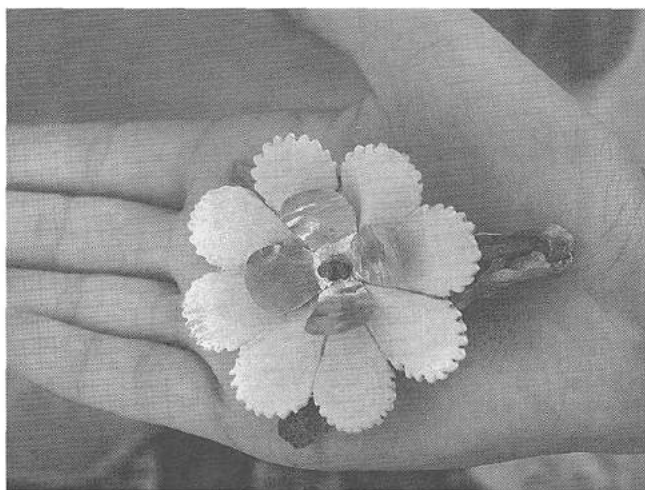

Рис. 34. Каменный цветок из бирюзы, золота и бронзы из гробницы № 3235

большое количество разбитой керамики и две так называемые «накладки» из слоновой кости, украшенные нацарапанным орнаментом с отверстиями на концах для крепления. Еще одна точно такая «накладка» была обнаружена в грабительском лазе.

В смежном помещении 3 в западной стене располагались рядом две ниши, а в южной и северной – еще две, но находившиеся напротив друг друга. Примерно посередине северной стены была устроена двухкамерная печь с уступом, точно соответствующая вышеупомянутой из помещения 2 и также со следами огня. Здесь обнаружены два каменных «посоха» (соответственно 1.2 м и 1.45 м длиной), конец одного из них выточен в виде лошадиного копыта, а также 13 кремниевых наконечников стрел, обрывки золотой фольги, агатовые бусы с золотыми обоями, полностью аналогичные таким же из передовых центров Ближнего Востока, в том числе из царских могил Ура²⁴. Был найден также золотой четырехлепестковый «цветок», украшенный по контуру зубчатыми бирюзовыми, но более крупными листочками (рис. 34), причем точно такие же лепестки были в находившейся рядом двухкамерной печи. Наконец, в западной части помещения обнаружены круглые и квадратные «фишки», изготовленные из слоновой кости и украшенные кружковым орнаментом.

Бесспорно, особый интерес представляет собой тайник № 2, располагавшийся у южной стены помещения № 3, ниже пола, на глубине 85 см, в котором находилось семь сосудов (два золотых, три серебряных и два медных). Два золотых кубка точно копируют золотые же кубки из грабительских раскопок Бактрии²⁵, а среди серебряных выделяется небольшой сосуд конической формы с рельефным анималистическим орнаментом. Мастер-ювелир изобразил многоплановую композицию, в которой представлено 10 разнообразных персонажей, а также три растения с пирамидальной кроной, водоем с рыбами, горы и, наконец, цветы (рис. 35, 36). Среди зооморфных образов присутствуют: разъяренный лев, спускающийся с возвышения и находящийся в явно противоборствующей позиции по отношению к стоящему перед ним мощному быку (это едва ли не самая популярная композиция, много раз представленная в переднеазиатском искусстве и неоднократно повторенная в древней глиптике Бактрии и Маргианы), и явно уставший от погони волк с высунутым языком, преследующий убегающего зайца, и антилопа на водопое, за которой внимательно следит спрятавшаяся за возвышением львица, и другая пара антилоп по бокам пирамидального растения. Передается популярный на Ближ-

²⁴ Orthman W. *Der Alte Orient*. B., 1975. № 123b.

²⁵ Zimmerman J. *Ancient Art From the Barbier Museum*. N.Y., 1991. Fig. 12.

Рис. 35. Серебряный сосуд из тайника № 2 гробницы № 3235 с рельефным орнаментом

Рис. 36. Прорисовка рельефа на серебряном сосуде из тайника гробницы № 3235

нем Востоке мотив «древа жизни» с парой козлов по его обеим сторонам. На рельефе присутствует и растение на горе, до определенной степени напоминающее либо тюльпан, либо мак, использовавшийся для приготовления культовых напитков типа сома-ха-ома. Наконец, медведь, спокойно бредущий среди гор, дополняет общую композицию этого сюжета. Но на этом не кончаются художественные достоинства сосуда: изображения продолжают на его дне, где в центре сохранился гравированный рисунок головы «плачущего» рогатого козла, из глаза которого катится крупная слеза (рис. 37).

Закljučая общую характеристику помещения 3, следует отметить, что нижняя часть западной стены, или иначе панель, на высоту около 1 м сплошь сохранила ровную гладь обмазки «цемянкой», к которой обычно прикреплялась мозаика. Не исключено, что и в данном случае обнаруженная «цемянка» указывает на былую мозаичную облицовку, которая в виде панели украшала все это помещение по низу. Именно здесь и была найдена основная масса разнообразных мозаичных вставок.

Помещение 1 соединено с помещением 2 общим проходом с порогом и имеет в середине западной стены нишу. Стены помещения тщательно оштукатурены, пол покрыт толстой глиняной обмазкой. Здесь был обнаружен фрагмент упавшего со стены мозаичного фриза. Рядом находился перевернутый вверх дном серебряный сосудик, косме-

тический флакон с крышечкой и косметический аппликатор для нанесения косметики на тело, навершие которого выполнено в виде лежащего, отдыхающего быка. Здесь же был найден еще один деревянный ларчик с инкрустацией по углам и по середине, со следами красной и черной краски и обрывки золотой фольги.

Если помещения 1–5 составляют единое погребальное сооружение, то три последних (6, 7, 8) – нештукатуренные и без глиняной обмазки пола – больше похожи на подсобные, возможно, построенные позднее. Помещение 6 представляет собой коридор, в который как бы насильно был «втиснут» труп женщины (в возрасте 50–60 лет) в скорченной позе и с сильно запрокинутой (с отвалившейся вниз челюстью) головой. В помещении 7 обнаружено много разрозненных костей животных вперемежку с незначительным количеством мелких фрагментов мозаики, попавших сюда, скорее всего, в результате грабительских раскопок.

В помещении 8 найдены в явно вторичном, перемещенном состоянии два целых сосуда типа глубоких чаш и единичные кусочки мозаики. Закрывая рассмотрение гробницы № 3235, отметим, что помимо предположительного «вестибюля» (помещение 5) и «внутреннего холла» (помещение 4) два других помещения – 1 и 2 – могли быть «камерами погребений», куда помещали усопших. В таком случае помещение 3 могло выполнять роль «камеры погребальных приношений», а помещения 6, 7 и 8 были подсобными.

Камерная гробница № 3205, 3245 и 3250 располагаются по периферии царского некрополя и решительно уступают как по размерам, так и по богатству личных украшений и погребальных приношений всем вышеописанным гробницам. Более того, есть все основания считать, что практически все они относятся к более позднему времени. Доказательством этого является следующий факт: камерная гробница № 3250 перерезала круглую стену, возведенную в более ранний период вокруг гробницы № 3220. Все они, за исключением камерной гробницы № 3245, были ограблены в древности, и поэтому все наши сведения о таких захоронениях основываются на результатах расчистки именно этой гробницы.

Камерная гробница № 3245 представляет собой вырытый в материке прямоугольный котлован, стены которого выложены сырцовыми кирпичами. Он был разделен на две разновеликие камеры. Большая из них являлась «погребальной камерой», куда был помещен покойник. В середине южной стены имеется проход со ступенькой, а в середине восточной стены – модель двухкамерной печи с уступом и тонким слоем золы в топке. В противоположность всем другим могилам царского некрополя, общий вход в камеру к моменту раскопок не сохранил свидетельств кирпичной закладки. В середине погребальной камеры была устроена земляная подсыпка высотой 15 см, на которой стоял деревянный ящик, а сверху него в «классической» позе на правом боку, головой на север лежали останки тяжело больной женщины, по мнению Н. Дубовой, в возрасте 30–35 лет. На запястьях ее рук были «фаянсовые» браслеты, шею охватывало ожерелье, составленное из мелких золотых, лазуритовых и других полудрагоценных камней, на локте левой руки стояла керамическая чаша, у ног, за пределами ящика, – медный горшок.

Вторая, меньшая по размерам, камера («камера погребальных приношений») служила для помещения в ее центре погребальных приношений, которые включали рифленый алебастровый сосудик, квадратную стеатитовую шкатулку с четырьмя отделениями внутри и ручкой в виде извивающейся змеи. Эта, скорее всего парфюмерная, шкатулка точно повторяет аналогичную из могильника Шахдад²⁶ и имеет по углам четыре сквозных отверстия для подвешивания. Среди других изделий следует отметить так называемую «косметическую лопаточку», изготовленную из слоновой кости в виде кры-

Рис. 37. Прорисовка гравированного изображения на дне серебряного сосуда с рельефом из тайника гробницы № 3235 (работа А.А. Ниязмухаммедовой)

²⁶ Nakemi. Op. cit. P. 491.

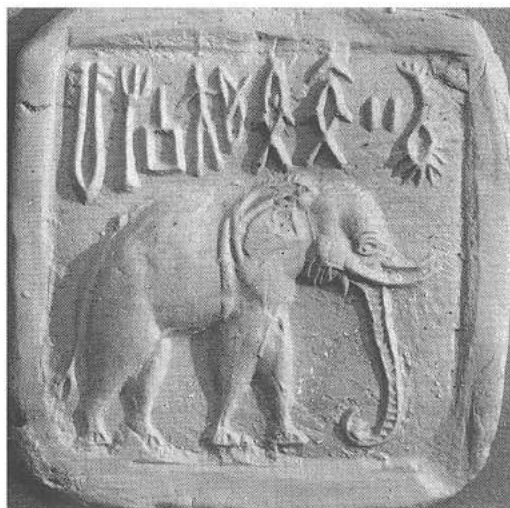

Рис. 38. Стеатитовая печать из помещения 19, раскоп 9 Северного Гонура

ванных «нефритовых спиц» не совсем ясного назначения и, предположительно, морской раковины.

Суммируя результаты раскопок, остановимся на вопросе, насколько правомерно относить этот могильник к категории «царских некрополей». Уже давно было отмечено специалистами, что по крайней мере на рубеже III–II тыс. до н.э. домашняя лошадь была еще элитарным животным, так что помещение в могилы повозок (или же просто снятых с них колес) вместе с лошадью (или ее частями) свидетельствуют о царской принадлежности таких захоронений. Такого типа погребальные приношения засвидетельствованы специалистами во многих, к тому же не всегда близких друг другу частях Евразии. В этой связи отметим, что в царском некрополе Гонура такая ситуация зафиксирована в трех гробницах (№ 3200, 3225 и, вполне вероятно, в № 3240), тем самым отмечая высокий, действительно царский статус подобных гробниц.

На это безусловно указывают человеческие жертвоприношения (особенно в № 3225 и 3240), повторяющие, хотя и в несравненно меньших масштабах аналогичную погребальную практику передовых центров тогдашнего мира, например, царских могил Ура. Помещение практически во все гробницы каменных «посохов», этих своеобразных «скипетров», бесспорных знаковых символов власти, украшенных к тому же навершиями в виде конских копыт, не оставляет никаких сомнений в царском статусе похороненных в них лиц. Если добавить к этому богатые личные украшения и погребальные приношения раскопанных гробниц, то станет очевидным их подлинно царское назначение. Итак, приведенные документальные факты не оставляют сомнений в том, что рассматриваемый могильник представляет собой настоящий царский некрополь конца III тыс. до н.э.

Судя по всему, камерные гробницы Маргианы в виде моделей домов восходят к североазиатским погребальным сооружениям типа Талл-Туттул и некоторым другим, расположенным в бассейне среднего течения Ефрата. Эта практика, судя по всему, была привнесена в древнюю дельту Мургаба пришлыми с далекого Запада племенами²⁷, основавшими здесь новую цивилизацию. Как видно, раскопанные гробницы представляют собой модели домов, выстроенных с разной степенью детализации (особенно № 3200 и 3210), которые находят свое планировочное продолжение на примере так называемых двухкамерных гробниц некрополя Гонура. Роднит их между собой общий планировочный принцип в виде двухкамерных погребальных сооружений (всегда разномасштаб-

латого грифона, терзающего ягненка, что с бесспорностью свидетельствует о высоком уровне местного костерезного искусства.

Следует отметить, что слоновая кость в древнюю страну Маргуш поступала из областей городской цивилизации долины Инда, доказательством чего может служить типично хараппская печать, но обнаруженная не в могилах царского некрополя, а в помещении 19 Храма воды (рис. 38). По мнению известного индолога А. Парпола, печать изготовлена в долине Инда и, таким образом, была импортной. Здесь же среди погребальных приношений находился фрагмент мозаики с профильным изображением женского лица, возможно, передающим внешний облик пришлых в дельту Мургаба людей. Осталось отметить еще находку четырех каменных, тщательно заполиро-

²⁷ Сарияниди. Некрополь Гонура... С. 33.

ных). Меньшая из камер является местом погребения покойников (типа «дома мертвых»), или «погребальной камерой», вторая, большая – для помещения погребальных приношений – это «камера погребальных приношений».

Не во всех, но в большинстве гробниц как некрополя Гонура, так и царского некрополя имеются двухкамерные печи для приготовления жертвоприношений, которые в царских гробницах представляют собой практически подлинные печи, всегда располагающиеся на полу гробниц. А в некрополе Гонура их уменьшенные модели устроены в восточной стене, на высоте около 1 м над полом. Объединяет между собой камерные гробницы царского некрополя и некрополя Гонура наличие моделей столов и лежанок в виде простых кирпичных выстилок, на полах гробниц, а также «посудные» шкафы, иногда заставленные целыми «сервизами». Показательно, что в обоих некрополях камеры соединены между собой ходами с той лишь незначительной разницей, что в одном случае они заложены кирпичами «всухую», а в других закладки вообще нет. Зато в тех случаях, когда это можно установить, главные входы, ведущие внутрь таких гробниц, практически всегда заложены кирпичами «всухую», без глиняного раствора. Наконец, и в том, и другом случае гробницы не засыпались грунтом, в них практиковался один и тот же последовательный (коллективный) обряд захоронений с последующим изъятием разложившихся скелетов и, возможно, их перезахоронением.

Уже при раскопках камерных гробниц некрополя Гонура было высказано предположение, что все они были элитарными и в них хоронили местную аристократию. Теперь этот вывод подтверждается вышеприведенными фактическими данными, полученными в ходе раскопок царского некрополя. Таким образом, есть все основания считать, что камерные гробницы некрополя Гонура представляют собой продолжение камерных гробниц царского некрополя, отличаясь лишь меньшими размерами и более упрощенной планировкой, но они всегда принадлежали местной маргианской аристократии.

Показательно, что в преобладающем большинстве камерных могил обоих некрополей не сохранились костяки, а лишь «костяное крошево», свидетельствуя в пользу практики организации так называемых «временных могил». Согласно этому обряду, по прошествии определенного времени (но когда скелет уже распался) останки изымались со своего места и переносились в другое таким образом, что в бывшей могиле оставалось лишь «костяное крошево». Такая ситуация была зафиксирована практически во всех камерных гробницах Гонура, а шире – в зоне распространения БМАК²⁸. В настоящее время отсутствует исчерпывающая характеристика этого погребального ритуала. Мы не знаем завершающего этапа обряда, но сам факт существования такой практики представляется вполне вероятным.

Если царский некрополь располагался на южной окраине Гонура, то на северной стороне, непосредственно перед главным въездом во дворец, в период полного запустения всех прилегающих сооружений была построена кирпичная прямоугольная циста (погребение № 2900), в которой были погребены пожилые (около 60 лет) мужчина и женщина. Они лежали в скорченной позе на правом боку, головой на север, причем непосредственно под ногами мужчины находился полный скелет ягненка (рис. 39). Вдоль северной и западной стенок цисты стояло свыше 20 керамических сосудов, а около головы мужчины лежали личные украшения и погребальные приношения в виде серебряных и фаянсовых браслетов, гребень и «косметическая лопаточка» с навершием в виде «сжатого кулачка», сделанные из слоновой кости, фаянсовый панцирь черепахи, серебряные кубок и стаканчик. Среди медно-бронзовых сосудов обращает на себя внимание кувшин с длинным, лопаточковидным сливом (аналогичный такому же из тайника гробницы № 3220). Здесь же находились шкатулка слоновой кости с «решеточной» крышкой и сильно закопченный снаружи котелок. Серебряная булавка с навершием в виде шагающего верблюда, найденная глубоко под подбородком, скорее всего, служила для закрепления одеяния (рис. 40). На шее было надето серебряное ожерелье, концы которого оформлены в виде двух быков, стоящих друг против друга, инкрустированных поделоч-

²⁸ Более подробно см. там же, с. 76–77.

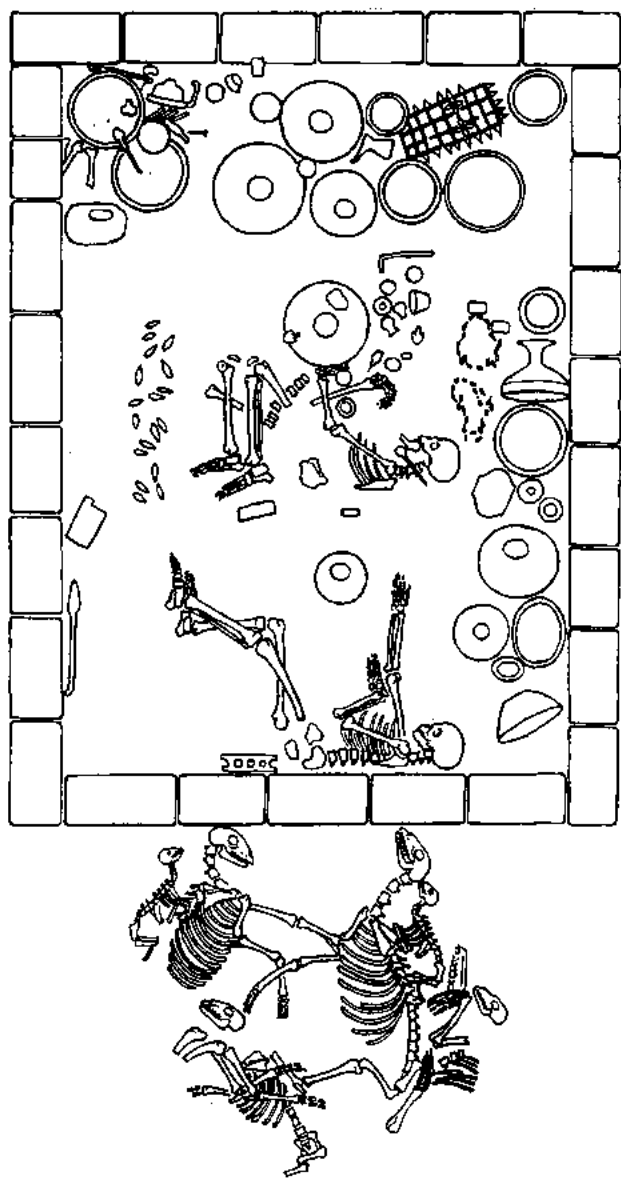

Рис. 39. План цисты № 2900, раскоп 5 Северного Гонура

ными камнями (лазурит, бирюза, сердолик). Само ожерелье состоит из таких же камней, причем с обеих сторон в отверстия каждой бусины вставлены бронзовые крепежные вставки, в которые вдевался шнурок. В юго-западном углу располагались: своего рода «ритуальный набор», состоящий из медно-бронзовых изделий, в том числе: треугольник с петлями на концах не совсем ясного назначения, два «зеркальца», косметический флакон с крышечкой и рядом аппликатор, коробочка в виде почки, воронка-ситечко для процеживания жидкости, блюдечко и кинжал. Рядом лежал лепной, необожженный расписной «сосуд», внутри которого находилась целая составная статуэтка (рис. 41).

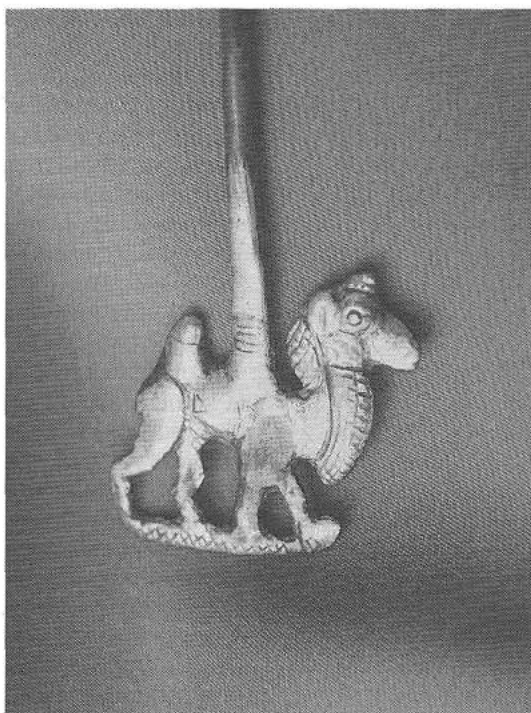

Рис. 40. Серебряная булавка с навершием в виде шагающего двугорбого верблюда из цисты № 2900

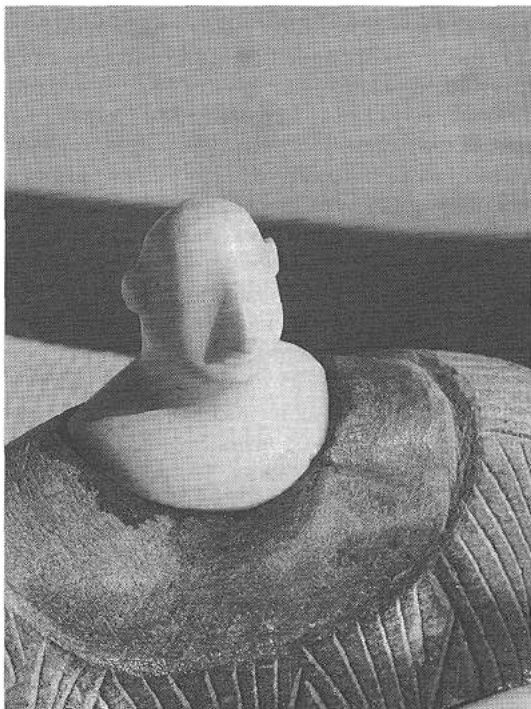

Рис. 41. Фрагмент составной статуэтки из цисты № 2900

Около женского скелета обнаружена медно-бронзовая модель «лесенки», отмечавшая воинское положение погребенного рядом мужчины, доказательством чего служит точно такая же «лесенка» из бесспорного «погребения воина» (погребение № 2380) некрополя Гонура²⁹. А о том, что в рассматриваемом погребении был захоронен знатный воин, свидетельствуют массивный бронзовый наконечник копья длиной 32 см с загнутым концом, находящийся рядом так называемый секач, а также рассыпанный на полу 31 кремниевый наконечник стрелы. Дополнительным доказательством служат два медных навершия булавы с четырьмя зубчатыми завершениями и с остатками дерева внутри (аналогичные таким же бактрийским навершиям), один из которых отлит в виде сильно сжатого кулака.

За внешней, восточной стеной цисты были захоронены два взрослых барана таким образом, что передние ноги их лежат друг на друге. За их спинами было помещено по одному ягненку, а в ногах – по одной собаке. Наконец, около спины северного барана находилась нижняя челюсть лошади. Практика коллективного захоронения животных около гробниц была широко распространена на другом конце тогдашнего мира, в Египте, где они зафиксированы в древнем городе Аварисе. Как показали раскопки австрийских археологов, сам Аварис был основан на рубеже III–II тыс. до н.э. выходцами из Северной Сирии, в погребальных обрядах которых известны подобные захоронения животных³⁰. Факт практически одновременного появления северомесопотамских племен в дельте Нила и древней дельте реки Мургаб весьма знаменателен. Сходство погребальных обрядов в обоих этих пунктах служит дополнительным доказательством их близкого родства на их былой, предположительно сирийской прародине.

Выше неоднократно отмечалось, что дворцово-культовый ансамбль и царский некрополь были обнесены снаружи внешней обводной стеной. Со временем, когда дворцово-культовое ядро Северного Гонура пришло в упадок и находилось в руинах, вместе с ним превратилась в руины и обводная стена. В результате оставшееся немногочисленное население устроило на окраине Гонура несколько небольших могильников. Особенно интересен «южный могильник», большую часть которого составляют кирпичные цисты, и три из них представляют для нашей темы определенный интерес. В первой цисте (погребение № 3124) были захоронены два взрослых барана. Оба лежат «сгорбленно» (задние ноги подтянуты к передним), на правом боку, в затылок друг другу, головой на север (т.е. по погребальным обрядам, характерным для человеческих захоронений). В их ногах находился скелет ягненка. Погребальные приношения составляют семь керамических сосудов (в одном из которых находился миниатюрный фаянсовый сосудик, а внутри другого – медная чаша), на которые сверху были положены куски мяса, а перед головой одного из барана было рассыпано несколько гипсовых бусин.

В другой цисте (погребение № 3130) также были захоронены три барана: два взрослых в центре, головой на северо-запад, мордами друг к другу. За спиной одного из них находился полный скелет ягненка головой на северо-восток. Погребальный инвентарь составляют восемь керамических и два медных сосуда, рядом с одним из них лежал косметический флакон. Около таза одного из баранов располагалась медная булава, а в ногах – множество медных, сердоликовых и гипсовых бусин, в том числе в виде мелкого бисера. За его спиной находились медно-бронзовые изделия в виде косметического флакона с аппликатором внутри, большой кинжал, зеркало и два так называемых «гарпуна» (некогда завернутые в ткань), у одного из которых сохранилась серебряная ручка с округлым навершием. Подобные «гарпуны» известны в Египте (золотой), Сиро-Палестине и Библие. Из территориально более близких находок следует отметить точно такие же «гарпуны» из грабительских раскопок в Бактрии³¹ и могил Элама³², куда они могли быть принесены пришлыми племенами предположительно из Сиро-палестинского ре-

²⁹ Там же. Табл. 10, 2.

³⁰ Bietak M. Avaris. L., 1996.

³¹ Pottier. Op. cit. № 24–25.

³² Mecquenem. Fouilles de Suse 1933–1939. Fig. 67, 36.

гиона. Хотя такие «гарпуны» уже давно известны на Ближнем Востоке, назначение их до сих пор остается неясным. Можно лишь отметить, что сходные предметы (как символы власти) держат в руках божества и знатные лица, изображенные на цилиндрических печатях Месопотамии. Дополняют погребальные приношения три кремниевых наконечника стрел и, по-видимому, шкатулка с крышкой, некогда украшенной «решетчатой» инкрустацией, сходной с такой же шкатулкой из погребения № 2900.

Наконец, следует остановиться на еще одной цисте (погребение № 3155) южного могильника, в которой были похоронены двое – мужчина и женщина 16 лет. Оба – скорченные, на правом боку, головой на север. В руке у женщины была зажата женская статуэтка (рис. 42) того же «необычного» типа, что и в цисте некрополя Гонура³³. Перед ее лицом стояли 12 миниатюрных керамических сосудов, медная чаша, внутри которой находились медные стаканчики (внутри одного из них было три кусочка каолина с воткнутыми в них пятью булавками из слоновой кости) и косметический флакон с аппликатором. Тулово флакона украшено рельефными головками рогатых козлов, которых атакуют змеиные драконы. Сверху все эти медные изделия были прикрыты медным зеркалом. Еще ниже, на дне могильной ямы находилось большое количество «фишек», изготовленных из слоновой кости и украшенных кружковым орнаментом, а также «гадательные палочки» (рис. 43). На обоих запястьях рук были надеты медные браслеты, и браслет, составленный из бусин (сердоликовые, бирюзовые, золотые), а на пальце правой руки – медное колечко.

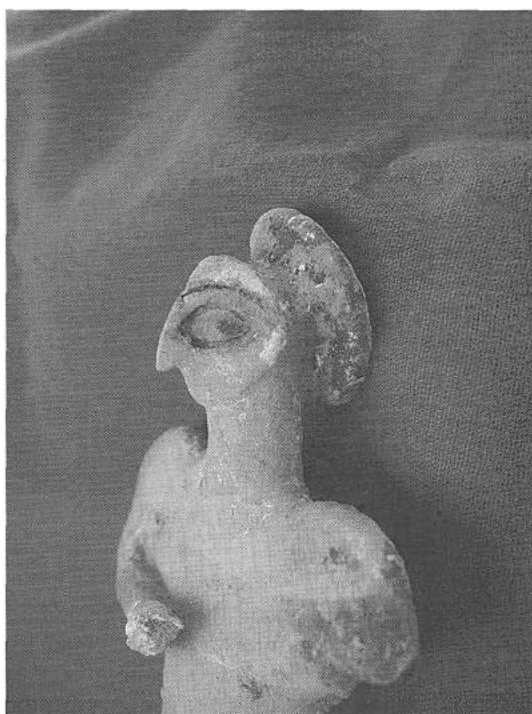

Рис. 42. Терракотовая статуэтка из погребения № 3155

За головой мужчины находились два миниатюрных медных блюда, стаканчик с двузубой «вилочкой», а также косметический флакон с крышкой и рядом аппликатор. Шею мужчины украшало ожерелье из трех бусин (двух каменных и одной золотой), а под правым плечом лежала фигурка извивающейся змеи из слоновой кости. Наконец, в ногах обоих покойников располагался полный скелет барана головой на восток. Захоронения молодых баранов в кирпичных цистах достаточно часто имели место в Маргиане. Наиболее яркие свидетельства этого представляют могила «священного агнца»³⁴, а также захоронения в Бактрии (Дашлы, Сапалли). Погребение «священного агнца» состоит из трех камер, в главной из которых был погребен ягненок вместе с сосудом, миниатюрной колонкой, кремниевыми наконечниками стрел и, по-видимому, шкатулкой, инкрустированной вставками из слоновой кости. Особый интерес представляет сланцевый «посох» с медным пустотелым навершием, украшенным семью прорезными крестиками и камушками-погремушками внутри. Сверху навершие украшено рельефным узором в виде «сентнерова колеса», широко представленным в сирохеттском искусстве. В другой камере находилось свыше 20 сосудов, а в третьей – два полных скелета верб-

³³ Сараниди. Некрополь Гонура... Табл. 3, 1.

³⁴ Подробнее см. *Sarianidi. Margiana and Protozoroastrianism*. P. 73–76. Fig. 33–35.

Рис. 43. Изделия из слоновой кости из погребения № 3155

людов и три серебряные булавки, представляющие собой погребальные приношения самому агнцу. Бесспорно, особое значение имеет «посох», прямо напоминающий аналогичные в гробницах царского некрополя, камушки-погремушки которого своим шумом предупреждали окружающих о присутствии знатного лица. Теперь к этому «посоху» следует добавить «гарпуны» из погребения № 3130 – они также, судя по всему, представляли собой знаковые символы. Все они указывают на культовое значение, которое имели некоторые виды этих животных (часто ягнята), хотя конкретизация предполагаемых обрядов и ритуалов представляется делом будущего.

ROYAL NECROPOLIS IN NORTH GONUR

V. I. Sarianidi

Excavations of 2004 (spring–autumn) in Gonur, former capital of Margush (East Turkmenistan), discovered royal necropolis of the late III mill. BC. The greatest part of the burial-grounds were dug out in the earth and have the shape of a rectangular pit. They consist of rooms faced with raw bricks from within (the house of the dead) and adjacent courtyards with clay plastering. In the tombs successive burials were practised in «burial rooms»; burial offerings were stored in special rooms decorated with mosaics in the Near Eastern style.

Although all the grave pits (except № 3245) were plundered in ancient times, gold and silver vases (some of them decorated with animal figures) have been preserved among burial offerings hidden in two «caches» (tombs № 3220 and 3235).

Decorative art of the royal necropolis in Gonur is undoubtedly connected with the artistic traditions of the Near East (fantastic lion-like gryphons with a horn and a beard), though modified under the local influence (figures of Bactrians [*Camelus Bactrianus*] or snake-dragons biting herbivorous animals).

A chariot unearthed with a horse (in № 3200) or with wheels taken off (№ 3225 and, probably, 3240) is identical to the objects found in Bactria and Elam. They show that in the late III mill. BC there existed a single type of wheeled vehicles, which spread on the territory of today's Iran, Afghanistan and Turkmenistan together with the newly come tribes who had known domestic horse in their Mesopotamian motherland. There are many reasons to think that domestic horse came to Central Asia not from the steppe tribes, but from the leading centres of the then world.